

ОДИН ВЫБОР МОЖЕТ РАЗРУШИТЬ ТЕБЯ

ЭЛИГЕНТ

ВЕРОНИКА РОТ

Дивергент

Вероника Рот

Элигент

«ЭКСМО»

2013

Рот В.

Эллигент / В. Рот — «Эксмо», 2013 — (Дивергент)

ISBN 978-5-699-57017-1

Власть захватывает мать Тобиаса, Эвелин. Внезапно наружу вырывается правда. Выясняется, что город – вовсе не идеально структурированное общество, а «реалити-шоу». Кукловодами являются загадочные люди, которые скрывается за оградой. Начинается третья часть. Трис и Тобиас вместе с компанией друзей выбираются за пределы родного дома. Они хотят узнать правду и обрести свободу. Но попадают прямиком в... Бюро Генетической Защиты. Их встречают сотрудники Бюро – ведь именно они наблюдают за подопечными с рождения. Новая реальность тоже «кусается». Оказывается, в прошлом разгорелась генетическая Война за Чистоту. В результате мир поделили на «генетически чистых» и «генетически поврежденных» особей. А ученые превратились в одержимых чудовищ и принялись экспериментировать: создавать искусственные поселения и внедрять в них своих агентов. Главная цель подопытных – служить расходным материалом и давать «генетически чистое» потомство. Трис возмущена до глубины души, Тобиас мечется в поисках самого себя и вляпывается в очередную переделку. А ученые из Бюро опять недовольны. Они намерены устроить «перезагрузку», то есть стереть память всех жителей города. Трис и остальные решают предотвратить катастрофу!.. Кто же победит? Книга также выходила под названием «Преданная».

ISBN 978-5-699-57017-1

© Рот В., 2013

© Эксмо, 2013

Содержание

1. Трис	7
2. Тобиас	8
3. Трис	11
4. Тобиас	14
5. Трис	16
6. Тобиас	20
7. Трис	23
8. Трис	27
9. Тобиас	32
10. Тобиас	34
11. Трис	40
12. Тобиас	43
13. Трис	45
14. Тобиас	47
15. Трис	51
Конец ознакомительного фрагмента.	54

Вероника Рот

Эллигент

Veronica Roth
ALLEGIANTE

Copyright © 2013 by Veronica Roth
Published by arrangement with HarperCollins Children's Books, a division of HarperCollins Publishers

Simbol art © 2012 Rhythm & Hues Design
Jacket Art and Design by Joel Tippie

© Резник С., перевод на русский язык, 2014

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2014

* * *

1. Трис

Я захожу в нашу комнату в штаб-квартире эрудитов. В моей голове все еще звучит эхо слов: *«Мое имя Эдит Прайор, хотела бы я об этом забыть!»*

– Значит, ты ее никогда не видела раньше? Даже на фотографиях? – спрашивает Кристина, чья забинтованная нога аккуратно уложена на подушку.

Кристину ранили во время нашей отчаянной попытки раздобыть секретный файл с видео Эдит Прайор. В то время мы не подозревали, что это означает разрушение не только наших фракций и наших личностей, но и фундамента всего города.

– Кто она тебе – бабушка или тетка?

– Понятия не имею, – отвечаю я. – Прайор – моя фамилия по отцу, следовательно, она – из нашей семьи. С другой стороны, сама посуди, имя Эдит относится, скорее уж, к альтруистам, а родственники папы принадлежали к эрудитам...

– Получается, что она старше твоего отца, – говорит Кара, откинувшись на кровати.

Сейчас Кара ужасно похожа на Уилла, – своего брата и моего друга, которого я застрелила. Но Кара выпрямляется, и призрак Уилла исчезает.

– Старше. На несколько поколений. Она – из наших предков.

«Предок». Термин кажется таким старым, как полуразрушенная кирпичная ограда кладбища. Я прикасаюсь к стене комнаты: она холодная, белая.

Итак, в наследство мне досталась полная независимость и уверенность в том, что мое «Я» гораздо важнее, чем все остальное. А сейчас я получила явный знак, что мы должны покинуть город и искать хоть что-нибудь за его пределами.

– А я хочу знать, – бормочет Кара, потирая лоб, – как долго мы здесь находимся? И слушай, не могла бы ты прекратить шастать туда-сюда?

Я замираю и вопросительно поднимаю бровь.

– Извини, – произносит она.

– Ладно, проехали – вступает Кристина. – Просто мы слишком долго тут торчим.

Прошло несколько дней с тех пор, как Эвелин устроила бунт в штаб-квартире эрудитов. Тогда заключенные разбежались из своих камер на третьем этаже. Одна женщина из бесфракционников перебинтовала наши раны и раздала обезболивающее. Мы могли есть и принимать душ, но никто не сообщал нам о том, что происходит снаружи. Наши просьбы игнорировали.

– Я надеялась, что нас проведает Тобиас, – говорю я, присаживаясь на край койки. – Где он болтается?

– Наверное, злится, что ты обманывала его и тайком сотрудничала с его отцом, – предполагает Кара.

Я кидаю на нее косой взгляд.

– Вряд ли. Тобиас не настолько мелочен.

– Вероятно, его что-то задержало, – заявляет Кристина. – Ты ведь не забыла, что он тебе сказал, Трис?

В том бедламе, когда бесфракционники пытались оттеснить нас к лестнице, я вцепилась в подол его рубахи. Я не хотела потерять Тобиаса в толпе, а он оттолкнул меня и крикнул: *«Верь мне!»*

– Нет, конечно, – отвечаю я.

И это – чистая правда. Я действительно пытаюсь верить. Но каждая частичка моего тела отчаянно стремится к свободе. И не только из тюрьмы, но и из города. Мне позарез нужно увидеть, что находится за оградой.

2. Тобиас

Я постоянно прокручиваю в голове дни, проведенные здесь в качестве заключенного. Полуголый и избитый почти до потери сознания. Есть и другие воспоминания: кошмарное ожидание, что Беатрис Прайор скоро умрет. Мои разбитые в кровь кулаки, колотящие в дверь и ее неподвижное тело у Питера на руках. Он предупредил меня, что она под наркотой. Ненавижу это место.

Сейчас тут не очень чисто, как раньше, когда здание принадлежало эрудитам. Теперь оно разорено бунтом, повсюду в стенах видны выбоины от пуль, на полу валяются осколки разбитых лампочек. Я тащусь по грязному коридору в камеру при неверном мигающем свете. Меня пропускают без вопросов, ведь на моем предплечье – черная повязка с пустым кругом – символом бесфракционников. К тому же, я немного похож на Эвелин. Прежде Тобиас Итон являлось постыдным именем. Сейчас оно – одно из самых уважаемых.

Трис сидит на полу, возле Кристины. Рядом застыла Кара. Моя Трис всегда казалась бледной и маленькой. Но почему-то она умудряется заполнять собой всю комнатуху. Она сразу узнает меня, вскакивает, обнимает меня и прячет лицо у меня на груди.

Я глажу ее по волосам. Никак не привыкну к тому, что они короткие. Хотя сперва я даже обрадовался, потому что так она выглядит как воин, а не как девочка. Вот что ей требовалось.

– Ты прошел сюда без проблем? – интересуется она.

– Я же Тобиас Итон, – отвечаю ей, и она смеется.

– Точно, – Трис немного отстраняется и смотрит на меня в упор.

Ее глаза странно меняются, как будто ветер проносит в них осенние листья.

– Где ты пропадал? Что случилось? – восклицает она.

Я понимаю Трис. Ей пришлось несладко. Она пережила предательство брата, ожидание казни, страх, что к ней применят сыворотку правды. Я просто обязан вытащить ее отсюда.

Кара пялится на нас, а я чувствую себя неловко, как змея, сбросившая кожу и еще не привыкшая к новому покрову. Наличие аудитории меня совсем не привлекает.

– Эвелин держит всех в строгости, – произношу я. – Без ее дозволения никто и шагу ступить не смеет. Но она выступила с призывом объединиться против угнетателей извне.

– Угнетателей? – повторяет Кристина.

Она достает из кармана пузырек и выливает его содержимое себе в рот. Думаю, какое-то обезболивающее из-за пулевого ранения.

Я хмурюсь.

– Эвелин, и, кстати, не только она, считает, что нам нельзя бродить за пределами города. Нам якобы могут причинить вред. А она пытается решить наши проблемы. Я передаю ее речь вкратце, – продолжаю я. – Но подозреваю, что это крайне выгодно для моей матери. Мы в ее власти, а если мы улизнем, она лишится своего влияния.

– Ага, – ворчит Трис. – Кто бы сомневался.

– Ее точка зрения имеет право на существование, – встречает Кристина. – И у нас много чего творится. Почему мы должны помогать тем, кто прячется за оградой?

Трис в задумчивости покусывает губу.

– Не знаю, – наконец, произносит она.

На моих часах уже три. Я задержался, а Эвелин подозрительна. Я сказал ей, что должен объявить Трис о том, что между нами все кончено. А на это не требуется время. Не уверен, впрочем, что Эвелин мне поверила. Я прерываю их спор.

– Слушайте: они решили допросить заключенных. И они собираются вколоть вам сыворотку правды. Потом вас осудят как предателей. Надо придумать какой-нибудь дельный план.

– Что? – изумляется Трис. – С каких пор поиск истины у нас расценивается как предательство?

– Как ни крути, но вы выступили против наших лидеров. Эвелин и ее приспешники не желают, чтобы кто-то покинул город. Поэтому они не в восторге от видео с этой... Эдит Прайор.

– Они такие же, как Джанин, – фыркает Трис. – Готовы на все, чтобы задушить правду. А ради чего? Чтобы царствовать в своем микроскопическом мирке? Бред.

Не собираюсь сознаваться им, что кое в чем разделяю мнение своей матери. Я ничего не должен людям, живущим вне нашего города. Неважно, дивергент я или нет, но я не собираюсь приносить себя в жертву ради спасения человечества.

Но я жажду сбежать отсюда – как дикий зверь, стремящийся вырваться из капкана. Бешеный волк, готовый отгрызть себе лапу.

– В общем, – начинаю я осторожно, – если сыворотка правды на вас подействует, вы будете осуждены.

– Что значит – «если подействует»? – прищуривается Кара.

– Дивергент, – бросает Трис, указывая пальцем на собственную голову.

– Да... поразительно, – Кара укладывает волосы в узел на затылке. – Хотя и нетипично. По моему опыту, большинство дивергентов не способны устоять перед химическим коктейлем. Не понимаю, как у тебя получается, Трис.

– Другие эрудиты, втыкавшие в меня свои поганые иголки, тоже удивлялись, – резко обрывает ее Трис.

– Пожалуйста, давайте сосредоточимся. Вас надо выволить из тюрьмы, – говорю я и хватаю Трис за руку.

Ее пальцы переплетаются с моими. Мы с ней не чужие, и ее прикосновение наполняет меня энергией и надеждой.

– И каким образом? – смягчается она.

– Я попрошу Эвелин, чтобы тебя допросили первой, – поясняю я. – Тогда все, что тебе нужно будет сделать, это сочинить убедительный рассказ, оправдывающий Кристину и Кару. У тебя получится, не сомневаюсь.

– Неужели?

– Я надеялся, ты сама что-нибудь сообразишь, по сравнению со мной, ты – настоящая чемпионка по вранью.

Мои слова попадают не в бровь, а в глаз. Она обманывала меня и раньше. Пообещала, что не пойдет на смерть в штаб-квартире эрудитов, и сделала все наоборот. Да еще и сотрудничала там с Маркусом, моим отцом.

– Хорошо, – кивает она и мрачно смотрит в пол.

Я кладу руку ей на плечо.

– Мне пора.

– Ну, спасибо тебе.

Я чувствую знакомый порыв, и мой разум буквально сливается с ее разумом. Это чем-то похоже на мое желание целовать Трис каждый раз, когда я ее вижу – малейшее расстояние между нами приводит меня в бешенство. Наши пальцы переплетаются еще крепче, ее ладонь прямо-таки приклеивается к моей загрубевшей коже. Пусть Трис – бледная и худенькая, но ее глаза напоминают мне бескрайние просторы, о которых я всегда мечтал.

– Если вы собираетесь лизаться, сделайте одолжение, предупредите, чтобы я могла отвернуться, – бурчит Кристина.

– Отворачивайся, – слегка улыбается Трис.

Я прикасаюсь губами к ее щеке и, не спеша, нахожу ее рот. Мы целуемся. Я наслаждаюсь ее дыханием. Очень хочется кое-что сказать ей. Я сдерживаюсь, но ненадолго. Хотя будь что будет.

– Хотел бы я остаться с тобой наедине, – говорю я, покидая камеру.

– Я тоже.

Когда я закрываю дверь, то замечаю, что Кристина делает вид, что ее сейчас стошнит, а Кара смеется. Руки Трис безвольно опущены.

3. Трис

– По-моему, вы – полные идиоты, – вырывается у меня.

После укола сыворотки правды тело тяжелеет и превращается в свинцовое. Лоб покрывается испариной.

– Вы должны благодарить меня, а не допрашивать.

– За что? За то, что ты игнорируешь указания лидеров нашей фракции? Может, тебе еще и спасибо сказать за то, что ты решила предотвратить ликвидацию Джанин Мэтьюз? Ты вела себя как предательница.

Эвелин Джонсон шипит как змея. Все происходит в зале заседаний штаб-квартиры эрудитов. Я нахожусь в заключении, по крайней мере, неделю.

Вижу Тобиаса. Он прячется в тени своей матери. Он не сводит с меня глаз с того самого момента, как я села в кресло и мне связали запястья пластиковой лентой. Ладно, надо бы уже разыгрывать «комедию».

Теперь, когда я знаю, что могу это делать, куда легче.

– Нет, – бормочу я. – И я думала, что Маркус работает на фракцию лихачей. Я не могла бороться как подобает солдату, а хотела помочь.

– А почему ты не могла быть солдатом?

Из-за спины Эвелин светит флюоресцентная лампа. Я ни на секунду не могу ни на чем сосредоточиться и сердито мотаю головой.

– Ну... – тяну я.

Не знаю, когда я научилась лицедействовать. Наверное, у меня врожденный талант к вранью.

– Я не могу держать в руках оружие. После того, как стреляла... в него. В Уилла. С тех пор от одного вида оружия меня охватывает паника.

Эвелин усмехается. Подозреваю, в самой глубине ее сердца нет ни капли сочувствия ко мне.

– Значит, Маркус признался, что он работает по моему приказу, – цедит она. – Ты ему поверила, даже не зная, о его напряженных отношениях и с лихачами, и с бесфракционниками?

– Да.

– Ясно, почему ты не выбрала эрудитов, – хохочет она.

Щека у меня начинает дергаться. Я хочу ударить Эвелин, как, уверена, многие из находящихся в зале, хотя они никогда не посмеют в этом признаться. Мы угодили в ловушку. Мы заперты в городе, который патрулируют бесфракционники. Они захватили власть. После смерти Джанин Мэтьюз не осталось никого, кто бы осмелился бросить ей вызов. Из огня да в полымя, от одного тирана к другому – таков наш мир.

– Почему ты молчала? – спрашивает она.

– Не люблю признаваться в слабости, – отвечаю я. – И еще я понимала, что Четыре это не понравится: то, что я работала с его отцом.

И внезапно я холодею: сыворотка правды действует и на меня.

– Зачем вам валяться на помойке, которую вы сами тут устроили! Что у вас здесь за трон? – выпаливаю я.

Лицо Эвелин искажает гримаса отвращения.

Она склоняется к моему лицу, и я догадываюсь о ее настоящем возрасте. Вижу ее морщины, и нездоровую бледность – следствие многолетнего воздержания в еде. Но она по-прежнему красива, как и ее сын.

– Я стараюсь построить новый мир, – отчеканивает она и вдруг переходит на шепот. – Я была альтруисткой, Беатрис Прайор. Не представляю, что с тобой будет дальше, но обещаю, что для тебя не найдется места, в особенности рядом с моим мальчиком.

Я улыбаюсь. Этого нельзя делать, но с этой дрянью в крови подавлять жесты и мимику ужасно трудно. Она думает, что Тобиас принадлежит ей. Но вообще-то он принадлежит только самому себе. Эвелин выпрямляется.

– Возможно, ты и глупа, однако ты не предательница. Допрос закончен. Ты свободна.

– А мои друзья? – вяло возражаю я. – Кристина, Кара...

– В самое ближайшее время мы разберемся и с ними.

Я встаю, чувствуя слабость и головокружение после укола. Народу в зале – как селедок в бочке, и несколько долгих секунд я не могу сориентироваться, пока кто-то не берет меня под руку. Мальчик со смуглой кожей. Юрайя. Мы направляемся к выходу. Нас сопровождают чьи-то громкие возгласы.

Мы шагаем по коридору к лифту. Юрайя прикасается к кнопке, и двери раздвигаются. У меня подгибаются колени.

– А про помойку и трон, это было не чересчур? – интересуюсь я.

– Нормально. Она считает тебя вспыльчивой и неуравновешенной.

Внутри меня все трепещет. Неужели меня отпустили и мы найдем выход из города? Больше не нужно ждать, меряя шагами камеру и переругиваясь с охранниками.

Кстати, сегодня утром охрана болтала что-то о правилах бесфракционников. Бывшие члены фракций обязаны переехать в окрестности штаб-квартиры эрудитов и перемешаться, чтобы в каждом жилище оказалось не более четырех членов одной фракции. Мы также должны обменяться одеждой. В результате мне уже выдали желтую рубаху Товарищества и черные брюки правдолюбков.

– Нам сюда...

Юрайя выводит меня из лифта. На этаже штаб-квартиры эрудитов сияют стеклянные стены. Солнечный свет преломляется в них, и радужные пятна играют на полу. Прикрываю глаза ладонью. Мы с Юрайей заходим в узкую комнату с расставленными вдоль стен кроватями, шкафами и маленькими столиками.

– Именно эрудиты первыми организовали общежития, – поясняет Юрайя. – Я уже зарезервировал койки для Кристины и Кары.

Возле двери устроились три девчонки в красных рубашках. Предполагаю, что они – из Товарищества. На дальней кровати лежит пожилая женщина в очках. Вероятно, эрудитка. Надо бы перестать определять принадлежность людей к той или иной фракции, но это старая привычка, трудно сразу с ней покончить.

Юрайя шлепается на постель. Я сажусь на соседнюю. Счастливая и расслабленная.

– Зик говорит, что девушки подойдут позже, – сообщает Юрайя.

На мгновение я чувствую облегчение. Но быстро вспоминаю, что Калев останется в камере. Он являлся приспешником Джанин, и они его, наверное, никогда не оправдают. А как далеко они зайдут? Вообще-то, мне наплевать... Хотя это ложь, конечно. Он все еще мой брат.

– Спасибо, Юрайя.

Он кивает.

– Сам-то как? Я имею в виду... Линн и...

Юрайя дружил с Линн и Марлен, а теперь обе мертвы. Я понимаю, что он сейчас чувствует, ведь я тоже потеряла друзей. Ал погиб в самом начале, не выдержав инициации, Уилл – при моделировании атаки из-за моей глупой поспешности. Но я не пытаюсь сделать вид, что страдаю так же, как и Юрайя. Зачем притворяться?

– Я не хочу даже думать об этом, – качает головой он. – Буду жить дальше.

– Ладно. Если тебе нужно поговорить, дай мне знать.

– Хорошо, – обещает Юрайя и встает. – Ты в порядке? Я сказал маме, что навещу ее вечером. О, чуть не забыл. Четыре передал, что он встретится с тобой попозже.

Я вскакиваю.

– Где и когда?

– После десяти, в парке Миллениум. На лужайке, – ухмыляется он. – Да не волнуйся ты, а того чего доброго лопнешь.

4. Тобиас

На чем бы ни сидела моя мать, – на стуле, на кресле, да хоть на карнизе, – она всегда выбирает самый краешек, как будто готова в любой момент сорваться и куда-нибудь бежать. На сей раз она примостилась на столе Джанин в штаб-квартире эрудитов. Носы ботинок упираются в пол, а из-за спины падает тусклый городской свет. Поджарое мускулистое тело напряжено.

– Побеседуем о твоей лояльности, – изрекает она.

Голос отнюдь не звучит обвиняюще, скорее устало. И она кажется мне такой изношенной, истертой жизнью, что я просто могу видеть сквозь нее. Но ощущение мгновенно пропадает.

– Ты помог Трис и приложил руку к появлению того видео, – продолжает она. – К счастью, остальные остались в неведении.

– Послушай, – я наклоняюсь вперед, уперев локти в колени, – я и не представлял, какая информация хранилась в файле. Я доверял Трис больше, чем себе самому.

Я думал, если расскажу матери о том, что расстался с Трис, то добьюсь своей цели. И не ошибся – она стала теплее, даже чуть более открытой и заботливой.

– А теперь, когда ты видел запись? – спрашивает Эвелин. – Что ты думаешь о ней? И мы... мы действительно должны покинуть город?

Ясно, чего она добивается: чтобы я заявил, что не вижу никаких причин выходить во внешний мир. Но я решаюсь лишь на полуправду.

– Я боюсь, – отвечаю я, – и не уверен, что это разумно, учитывая опасности, которые могут нас подстергать.

Она обдумывает мои слова, покусывая губу. У меня такая же привычка. Я делал так, ожидая возвращения отца и гадая, кто придет домой: благодушный и уважаемый альтруист или тот, кто будет меня бить. Провожу языком по шрамам от укусов. Мои воспоминания имеют горький привкус желчи.

Эвелин спрыгивает со стола.

– Я получила тревожные сообщения о существовании у нас повстанческой организации, – она приподнимает бровь. – Людям свойственно объединяться в группы. Но я поражена подобной скоростью.

– Что за организация?

– Те, кто хочет покинуть город. Они распространили утром манифест. Они называют себя верными, – произносит она и добавляет, заметив мой растерянный взгляд. – Утверждают, что верны первоначальным целям основателей нашего города, понимаешь?

– Об этом говорилось в видео Эдит? То есть мы должны посылать людей за внешние стены, когда в городе появляется много дивергентов?

– Да. А еще мятежники полагают, что быть разделенными на фракции – наше предназначение, – недоумевает она. – Некоторые люди всегда будут бояться любых перемен. Но мы не имеем права им потакать.

После ликвидации фракций я почувствовал себя как человек, освободившийся после длительного заключения. И я не желаю вечно прикидывать, вписываются ли мои мысли или действия в идеологию, предписанную мне фракцией. Вот и все.

Но Эвелин просто заставила нас притворяться бесфракционниками. Она ведет собственную игру. Поэтому я рад, что существуют те, кто осмелился бросить ей вызов.

Придаю лицу бесстрастное выражение, но мое сердце стучит как безумное. Я должен быть аккуратным и остаться в милости у Эвелин. Мне легко лгать кому угодно, но только не ей. Она – единственный человек, знающий все тайны нашего «мирного» дома альтруистов.

– Что ты собираешься с ними сделать? – спрашиваю я.

– Взять их под контроль.

Я непроизвольно вздрагиваю. В городе «контроль» означает иглы и сыворотки, навязанные галлюцинации, а следовательно – изменение психики. То самое, что однажды чуть не заставило меня убить Трис. Такие методы использовали лихачи в своей армии.

– С помощью моделирования? – уточняю я.

Она хмурится.

– Конечно, нет. Я не Джанин Мэтьюз.

Вспышка гнева побуждает меня уколоть ее.

– Не забывай, что мы едва знакомы, Эвелин.

– Я никогда не буду прибегать к моделированию, чтобы добиться своего. Лучше смерть, – горделиво произносит она.

Но вполне возможно, именно показательные убийства недовольных и начнутся. Эвелин запросто задушит революцию. Кем бы ни были верные, их необходимо предупредить, и поскорее.

– А если я попробую пойти в разведку? – задаю вопрос я.

– Отлично. Уверена, ты справишься, – соглашается она.

А вдруг она проверяет меня? Или ловит на живца? Моя мать – из тех, для кого цель оправдывает средства. Как и мой отец и временами я сам.

Наконец, я встаю, но ее тонкие как веточки пальцы сжимают мое запястье.

– Спасибо тебе.

Заставляю себя посмотреть ей в лицо. Глаза у нее посажены близко, а нос слегка загнут, как и мой собственный, но ее кожа емнее, чем у меня.

На мгновение вижу ее сидящей напротив меня за обеденным столом, в серой одежде альтруистов. Ее густые волосы скреплены дюжиной заколок. Она опускается передо мной на корточки, поправляет неправильно застегнутые кнопки на рубашке, перед тем как я отправляюсь в школу. Потом она глядит из окна на нашу безликую улицу, ожидая, когда покажется автомобиль моего отца. Ее руки стиснуты так, что костяшки пальцев белеют от напряжения. Тогда нас объединял общий страх. Теперь мне больно от того, что я предаю ее, – моего бывшего союзника. Но я спешу отвернуться прежде, чем мне захочется покаяться.

Выбираюсь из штаба эрудитов и попадаю в густую толпу. Машинально ищу привычные цвета фракций, но не нахожу, разумеется. Да и на мне сейчас – серая рубашка, синие джинсы, черные ботинки. Но под новой одеждой – старые татуировки. Невозможно стереть свое прошлое.

5. Трис

Я ставлю будильник на 10:00 и сразу же засыпаю, не успев даже устроиться поудобнее. Однако через некоторое время меня будит не его трель, а чей-то невнятный вопль в другом конце спальни. Выключаю будильник, провожу пальцами по волосам и несусь к одной из аварийных лестниц. Она выходит прямо на аллею. Там меня, надеюсь, никто не засечет.

Холодный уличный воздух мигом будит меня. Натягиваю рукава до самых кончиков пальцев, чтобы хоть как-то согреть руки, – лето подходит к концу. У входа в штаб-квартиру эрудитов еще слоняется несколько человек, но никто из них не замечает меня на Мичиган-авеню. Все же есть некоторая польза от того, что я маленькая.

Тобиас стоит посреди газона. Он одет в серую футболку, синие джинсы и черную кофту с капюшоном. Его одежда представляет цвета сразу всех фракций, насколько я могу судить. У его ног валяется рюкзак.

– Как все прошло? – спрашиваю, подходя ближе.

– Очень хорошо, – отвечает он. – Эвелин еще сильнее возненавидела тебя, зато Кристина и Кара были освобождены без допроса.

– Отлично, – улыбаюсь я.

Он берет меня за воротник рубашки, притягивает к себе и нежно целует. Потом чуть отстраняется и говорит:

– Эй. У меня есть неплохой план на сегодняшний вечер.

– Правда, что ли?

– Да, мне пришло в голову, что у нас с тобой до сих пор не было нормального свидания.

– Катастрофы и разрушения имеют тенденцию лишать людей личной жизни, как видишь.

– Все же я хотел бы разобраться, что это значит – ухаживать за девушкой.

Он направляется к гигантскому металлическому сооружению на другом конце лужайки, я иду за ним.

– До тебя на свидания с девчонками я ходил вместе с Зиком. Заканчивались они, как правило, полным конфузом. В итоге он уходил с той, кого себе выбирал. А мне оставалось молчать в компании с девушкой, которая вела себя так, будто я ее чем-то обидел.

– А может, ты просто грубиян? – шучу я.

– Чья бы корова мычала.

– Ну-ну, я как раз могу быть очень даже любезной, если постараюсь.

– Хм-м... – он в сомнении постукивает пальцем по подбородку. – Ну-ка, скажи что-нибудь приятное.

– Ты очень красивый.

Он улыбается, его зубы блестят в темноте.

– Хорошо, мне нравится.

Мы доходим до конца лужайки. Вблизи металлическая конструкция выглядит гораздо массивней и диковинней, чем казалось издали. На самом деле это – эстрада, массивные балки выгнуты дугами в разные стороны, что делает сооружение похожим на взорвавшуюся консервную банку. Мы огибаем одну из балок, торчащую под острым углом из земли, и оказываемся на задворках сцены. Здесь металлические колонны поддерживают кровлю. Тобиас закидывает рюкзак за плечи, хватается за одну из колонн и лезет на нее.

– Что-то это мне напоминает, – бормочу я.

Одной из первых вещей, которые мы с ним сделали вместе, был подъем на колесо обозрения. Только в тот раз я предложила подняться повыше, а не он.

Заворачиваю рукава и следую за ним. Правое плечо все еще побаливает после пулевого ранения, но в целом рука в порядке. Тем не менее, я стараюсь переносить большую часть веса

тела на левую руку и отталкиваться ногами, когда это только возможно. Я смотрю вниз на путаницу балок, сквозь которую виднеется далекая земля, и звонко хохочу.

Тобиас добирается до соединения двух металлических пластин. Там достаточно места, чтобы могли уместиться два человека. Он усаживается, протиснувшись между балками, и протягивает руку, чтобы помочь. Поддержка мне, в общем-то, не нужна, но об этом я помалкиваю, наслаждаясь ощущением от его прикосновения. Он достает из рюкзака плед и укутывает нас обоих. Потом вынимает два пластиковых стаканчика.

– Ты как? Хотела бы иметь ясную голову или слегка затуманенную? – спрашивает он, снова роясь в своем рюкзаке.

– Ну... – я наклоняю голову. – Лучше ясную. Мы должны кое-что с тобой обсудить, не так ли?

– Да.

Он вынимает бутылочку с прозрачной газированной жидкостью, откручивает крышку и продолжает:

– Я стащил это с кухни эрудитов. Похоже, что-то вкусное.

Он наливает по чуть-чуть в каждый стакан, и я отпиваю глоточек. По крайней мере, это что-то сладкое со вкусом лимона. Я морщусь. Впрочем, второй глоток оставляет более приятное впечатление.

– Мы, значит, должны кое о чем поговорить, – напоминает он.

– Это точно.

– Ну... – Тобиас хмурится, разглядывая содержимое своего стакана. – Я хотел тебе сказать, что понимаю, почему ты работала с Маркусом и почему не могла сказать мне об этом. Но...

– Но ты злишься, – продолжаю я его фразу. – Потому что я тебе врал.

Он кивает, по-прежнему не глядя на меня.

– Дело даже не в Маркусе. Дело вот в чем: не знаю, можешь ли ты понять, каково это, проснуться однажды и осознать, что ты ушла...

Я жду, что он скажет «на смерть», но он не решается произнести эти слова и заканчивает так:

– Ушла в штаб-квартиру эрудитов.

– Нет, вероятно, не могу, – отпиваю еще капельку напитка, задерживаю его немного во рту, прежде чем проглотить. – Послушай... Раньше я действительно много размышляла о том, как это – отдать свою жизнь за что-то. Но я тогда не понимала, что это означает на самом деле, пока обстоятельства не потребовали этого от меня самой.

Я долго смотрю на него. Наконец, и он поднимает на меня глаза.

– Зато теперь я точно знаю, – объясняю: – Знаю, что хочу жить, хочу быть честной с тобой. Но если ты не научишься мне доверять, у нас ничего не получится. И нечего разговаривать со мной покровительственным тоном, как ты иногда пытаешься.

– Покровительственным? – удивляется он. – Ты же поступила нелепо, ты рисковала...

– Да. Но неужели ты думаешь, что помог бы мне, разговаривая со мной, как с маленьким ребенком, не знающим, что он творит?

– А что я мог еще сделать? – упирается он. – Ты вела себя неразумно.

– Может быть, потому, что благоразумия в тот момент не требовалось? – я уже не в состоянии делать вид, что спокойна. – Чувство вины съело бы меня живо. Все, что мне было нужно – это твое терпение и доброта, а вовсе не твои крики. Да, вот еще. Ты постоянно скрываешь от меня свои планы, как будто сомневаешься в том, что я достойна их обсуждать с тобой.

– Просто не хочу тебя обременять, ведь у тебя и так полно забот.

– Значит, ты думаешь, что я – слабая? А может, все-таки нет? – сержусь я. – Мне кажется, ты думаешь, что я могу стерпеть, когда ты ругаешь меня, но вместе с тем не уверен, что я могу справиться с чем-то серьезным. Это так?

– Ну я, конечно, не думаю, что ты слабачка, – мотает он головой, – просто не привык ни с кем делиться своими переживаниями. Я приучен делать все сам.

– Ничего, со мной можно, – говорю я. – Ты можешь полностью мне довериться. И разреши мне самой судить о том, с чем я могу справиться, а с чем – нет.

– Хорошо, – соглашается он. – Только не лги мне больше. Никогда.

– Ну ладно.

Я чувствую себя одеревеневшей, как будто мое тело втиснуто в какую-то узкую щель. Не так я хотела завершить наш разговор. Тянусь к его руке.

– Я очень сожалею, что тогда солгала тебе, – говорю я. – Правда.

– Ладно, проехали, – вздыхает он. – И не думай, пожалуйста, что я тебя не уважаю.

Мы замираем на некоторое время, взявшись за руки. Я прислоняюсь к металлической колонне. Луна скрыта облаками, небо темное. Все-таки я нахожу одну звездочку над нами. Оглянувшись, вижу линию домов на Мичиган-авеню. Они – как ряд часовых, охраняющих нас.

Постепенно я успокаиваюсь, и ощущение скованности покидает меня. Здесь, на высоте, так легко дышится. Странно, но вспышка гнева быстро отпустила меня. Последние несколько недель вообще были странными для нас обоих. Я счастлива, что наконец-то освободилась от тех чувств, которые так долго скрывала. От гнева, от боязни, что он ненавидит меня, от чувства вины из-за того, что я работала с его отцом.

– По вкусу похоже на какую-то микстуру, – говорит он, осушая свой стакан и убирая его.

– Точно, – отвечаю я, прикидывая, сколько еще осталось в моем. Допиваю залпом, морщась, когда пузырьки щекочут горло. – Не знаю, почему эрудиты вечно хвастаются своей кухней. Торты лихачей гораздо лучше. Интересно, что такого вкусенького было у альтруистов и было ли хоть что-то?

– Черствый хлеб, – смеется он. – Обычная овсянка. Молоко. Иногда мне кажется, что я до сих пор верю всему, чему нас учили. Но, очевидно, это не так, раз уж я сижу здесь и держу тебя за руку, предварительно на тебе не женившись.

– А что насчет этого говорят лихачи? – спрашиваю, кивая на наши соединенные руки.

– Лихачи... хм-м, – он ухмыляется. – Делай, что хочешь, но используй защиту, – вот их кредо.

Я поднимаю брови, чувствуя, как кровь прилила к щекам.

– Мне кажется, можно найти золотую середину, – говорит он, – между тем, чего хочется, и тем, что правильно.

– Звучит заманчиво, – я делаю паузу. – А чего ты хочешь?

Надеюсь, что сама знаю ответ, но хочу услышать это от него самого.

– Да как тебе сказать, – усмехается он и наклоняется ко мне. Хватается за металлическую пластину над моей головой и начинает медленно меня целовать. Мои губы, шею, впадинку над ключицей. Я замираю, страшась сделать что-то, что покажется ему глупым или не понравится. Но вскоре начинаю себя чувствовать какой-то статуей, не совершенно не соответствует действительности, поэтому я решаюсь обнять его за талию. Он снова целует меня в губы и вытягивает из-под ремня свою рубашку, чтобы мои руки касались его голой кожи.

Я прижимаюсь к нему сильнее, мои ладони скользят вверх по его спине, гладят его плечи. Его дыхание становится учащенней, как и мое, я чувствую вкус сладкой лимонной шипучки, которую мы пили, и запах ветра на его коже и хочу, чтобы это продолжалось вечно. Я стягиваю с него рубашку. Еще минуту назад мне было холодно, но я не думаю, что теперь кто-то из нас ощущает холод. Он решительно обнимает меня за талию, гладя свободной рукой мои волосы,

и я просто тону в нем – в его разрисованной татуировками груди, в настойчивых поцелуях. Мы растворяемся в прохладным воздухе, овевающим нас.

Я расслабляюсь и не чувствую больше себя маленьким солдатом, воюющим с сыворотками и лидерами объединений. Мне легко, и это нормально – испытывать радость от того, что кончики его пальцев пробегают от моего бедра по пояснице, или дышать ему в ухо, когда он тянет меня к себе, тыкаясь лицом мне в шею и целуя меня. Я чувствую себя сильной и слабой одновременно. И охотно себе это позволяю, по крайней мере, на некоторое время.

Не знаю, как долго это продолжалось, прежде чем мы не замерзли и не съжились вместе под пледом.

– Да уж, все труднее оставаться мудрым, – смеется он мне в ухо.

– Все так, как и должно быть, – отвечаю я.

6. Тобиас

Что-то назревает. Я чувствую это, когда иду по столовой с подносом и вижу склоненные над овсянкой головы руководителей бесфракционников. То, что должно произойти, скоро произойдет.

Вчера, покидая офис Эвелин, я задержался в холле, чтобы подслушать, о чем будут говорить на совещании. Прежде чем дверь за мной закрылась, я услышал, как Эвелин сказала что-то о демонстрации. Вопрос в том, почему она не сказала об этом мне? Видимо, она все-таки не доверяет мне. Иными словами, на ее взгляд, я не так хорошо работаю, чтобы в полной мере претендовать на звание ее правой руки.

Сажусь за стол. Завтрак одинаков абсолютно для всех: миска овсянки, посыпанной коричневым сахаром, и чашка кофе. Отправляю в рот ложку каши, совсем не ощущая ее вкуса, занятый наблюдением за компанией бесфракционников. Одна из них, девочка лет четырнадцати, постоянно посматривает на часы.

Я уже наполовину доел свой завтрак, когда услышал крики. Та нервная девчушка вскакивает со своего места, как ужаленная, и все они гурьбой кидаются к двери. Бегу за ними, прокладывая себя дорогу в толпе через вестибюль штаб-квартиры эрудитов. Разорванный в ключья портрет Джанин Мэтьюз все еще валяется на полу.

Бесфракционники уже собрались на улице, посередине Мичиган-авеню. Завеса сероватых облаков закрывает солнце, делая дневной свет туманным и унылым. Я слышу чей-то крик: – Смерть фракциям!

Остальные подхватывают фразу, громко скандируют ее, почти оглушают меня. Смерть фракциям, смерть фракциям, смерть фракциям. Вижу взметнувшиеся вверх кулаки, все насыщено типичной горячкой лихачей, но без характерной для них радости. Напротив, все лица перекошены от ярости.

Протискиваюсь в середину и замираю. Огромные, в человеческий рост, чаши для Церемонии Выбора перевернуты набок, их содержимое вывалено на дорогу. Угли, стекла, камни, земля и вода – все перемешалось в одну большую кучу.

Провожу пальцем по ладони, вспоминая, как добавил свою кровь в угли. Это был мой первый акт неповиновения отцу. Я помню прилив сил и облегчение. Я совершил побег. Эти сосуды стали символом моего освобождения.

Эдвард – в самой гуще, осколки стекла дробятся в пыль под его каблуками, кувалда так и взлетает над головой. Внезапно он бьет по одной из чаш, оставляя вмятину в металле. В воздух поднимается угольная пыль. Я знаю, что не должен приближаться к нему. Но он не смеет уничтожать символ моего триумфа. Что угодно, только не чаши.

Толпа увеличивается. Здесь не только внефракционники, носящие черные повязки с пустыми белыми кругами на них, но и люди из других фракций, на рукавах которых больше нет опознавательных знаков. Один из эрудитов, чья принадлежность угадывается по аккуратному пробору в волосах, выскакивает вперед, в то время как Эдвард заносит над головой кувалду для очередного удара. Его мягкие, испачканные чернилами руки, сжимаются на рукоятке кувалды чуть выше пальцев Эдварда, и оба начинают молча бороться, стиснув зубы.

Неожиданно я замечаю белокурые волосы Трис. Она одета в свободную синюю рубашку, из-под которой виднеются татуировки фракции. Она порывается бежать к дерущимся, но Кристина удерживает ее. Лицо парня из бывших эрудитов наливается кровью. Эдвард выше и сильнее его. У соперника нет ни единого шанса. Вообще-то он дурак, что попытался вмешаться.

Наконец, Эдвард вырывает кувалду, но вдруг теряет равновесие. Вероятно, у него сознание помутилось от ярости. Орудие бьет эрудита по плечу. Явственно слышится треск кости, а затем – крики раненого. Люди вокруг затаили дыхание.

И через секунду толпа взрывается. Каждый, в неистовстве, мчится к чашам, к Эдварду, к бывшему эрудиту. Как слепые, они сталкиваются друг с другом, налетают на меня.

Я в замешательстве. Куда бежать? Я уже не могу ни о чем думать. Людской поток несет меня к Эдварду, и я хватаю его за кисть.

– Отпусти! – ору я, стараясь перекрыть шум.

Его единственный глаз яростно сверкает на меня, Эдвард скалится и вырывается.

Я наношу ему удар коленом. Он откидывается назад, роняя кувалду. Хватаю ее и лечу к Трис. Она пытается пробиться к эрудиту. Какая-то женщина локтем бьет ее в лицо, отбрасывая назад. Кристина отталкивает противницу. Раздаются выстрелы. Один, второй, третий.

Толпа мигом рассеивается, боясь получить шальную пулю. Я пытаюсь разглядеть, не убит ли кто-нибудь, но меня слишком толкают. Трис и Кристина сидят рядом с эрудитом. Он весь в крови, а на одежде – грязные следы от ботинок. Аккуратная прическа растрепалась. Он лежит и не шевелится.

В нескольких футах от него, в луже собственной крови, валяется Эдвард. Пуля попала ему в живот. Есть и другие трупы. Они застрелены или затоптаны. Им просто не повезло. Я озираюсь вокруг, но снайпера не вижу.

Бросаю кувалду рядом с помятой чашей и опускаюсь на корточки возле Эдварда. Камни альтруистов впиваются в меня, как иглы. Эдвард закатывает глаз. Похоже, он еще жив.

– Мы должны доставить его в больницу, – говорю я вслух и оглядываюсь через плечо на Трис и неподвижного эрудита.

– Как он?

Ее пальцы пытаются нащупать пульс на его шее. Она качает головой. Значит, мертв.

Я зажмуриваюсь, но продолжаю видеть валяющиеся на дороге чаши фракций и их содержимое сваленное в кучу. Все разрушены, по крайней мере один человек мертв, многие – ранены... Ради чего?

Ради химеры: бессмысленной, идиотской мечты Эвелин о городе, где группировки исчезли, хотят того их члены или нет. Сама она пожелала, чтобы наш выбор не был ограничен всего лишь пятью вариантами. Теперь у нас нет ни одного. Одно я знаю наверняка: я не могу быть ее союзником.

– Нам пора, – произносит Трис.

Ясно, что она подразумевает побег из города.

– Да, – киваю я.

Вонь лекарств во временном госпитале в штаб-квартире эрудитов дерет мне горло. Я молча жду Эвелин.

На самом деле я страшно зол. Скорее всего, Эвелин сама спланировала погром. Конечно, она сообразила, что толпа в любой момент может выйти из-под контроля, причем с непредсказуемыми последствиями. Значит, это она постаралась. Объявить как можно быстрее о роспуске фракций было для нее – важнее, чем безопасность и людские жертвы. Странно, почему я до сих пор ей удивляюсь?

Я слышу, как раздвигаются двери лифта, и ее голос, окликающий меня:

– Тобиас.

Она бросается ко мне, хватая меня за руки, липкие от крови. Ее темные глаза расширены от страха, когда она спрашивает:

– Тебя ранили?

Она беспокоится. Мысль об этом слегка колет мне сердце: она меня любит, переживает.

– Это кровь Эдварда. Я помогал нести его сюда.

– Как он?

– Умер, – отвечаю я.

Она сжимается, плачет и падает на стул. Эвелин приняла Эдварда после того, как тот покинул лихачей. Она выручила его и спасла, несмотря на потерю устойчивого положения в обществе. Я никогда не предполагал, что они были близки, но сейчас я догадался об их отношениях. Ведь это – самая сильная эмоциональная реакция, которую она продемонстрировала со времен моего детства: когда отец со всей силы ударил ее о стену гостиной.

Пытаюсь гнать прочь воспоминания, но запихнуть их подальше не удастся.

– Мне очень жаль, – бормочу я.

Затем осторожно добавляю:

– Почему ты не сказала мне о демонстрации?

Она мотает головой.

– Я ничего не знала.

Ложь. Я уверен, что она обманывает меня, но решаю не показывать вида. Чтобы избежать конфликта, нужно притворяться. Или же я не хочу, чтобы смерть Эдварда дамокловым мечом нависла над нами обоими. Где заканчивается конспирация и начинается мое искреннее сочувствие к ней?

– Да? – чешу я в затылке. – Ты можешь пойти и посмотреть на Эдварда.

– Нет. Я знаю, как выглядят внутренности.

– Можно мне уйти?

– Останься, – просит она, похлопывая по стулу между нами. – Присядь, пожалуйста.

Я подчиняюсь и убеждаю себя, что я – лишь тайный агент, повинующийся приказу своего лидера. Но я чувствую себя еще и сыном, утешающим скорбящую мать. Наши плечи соприкасаются, мы с ней дышим в едином ритме, но не произносим ни слова.

7. Трис

На ходу Кристина продолжает крутить в пальцах черный камешек. Мне требуется пара секунд, чтобы понять, что у нее в руках – уголек из церемониальной чаши Выбора лихачей.

– Из тех десяти, которых мы переинициировали, только шестеро еще живы, – говорит она.

Впереди возникает Хэнкок-билдинг, а за ним – аллея Лэйк-Шор, над которой я когда-то летала, как птица. Мы с ней бок о бок идем по потрескавшемуся асфальту, наша одежда испачкана засохшей кровью Эдварда.

Эдвард – самый талантливый из всех заново инициированных парней, – мертв. Его убили.

– Остались только ты, я и... Майра, пожалуй, – отвечаю ей.

Не видела Майру с тех самых пор, когда она вместе с Эдвардом покинула лихачей, а это случилось сразу после того, как его глаз встретился с ножом для масла. Я слышала, вскоре после тех событий они расстались. А куда же она делась? Мне неизвестно.

Двери Хэнкок-билдинг открыты и болтаются на петлях. Юрайя сказал, что будет здесь. Он включит генератор. И действительно, когда я прикасаюсь к кнопке лифта, она светится под моим пальцем.

– Ты бывала тут раньше? – спрашиваю я.

– Нет, – отвечает Кристина. – Я имею в виду, что никогда не заходила внутрь. Я не добралась до этого здания, когда мы занимались зиплайном, помнишь?

– Точно, – киваю я и прислоняюсь к стене кабины. – Ты должна попробовать снова.

– Ага.

Помада у нее на губах красного цвета. Она напоминает пятна на щеках ребенка, обжегшегося карамели.

– Знаешь, я понимаю Эвелин. Слишком много ужасных вещей творится вокруг. Так что попытаться убрать городской мусор – неплохая идея. А то нас точно завалит по самую шею, – она криво улыбается.

Я молчу.

– Но сама я этого делать не собираюсь, – добавляет она. – Мне неинтересно, наверное.

– Ты говорила со своими родителями?

Не стоит забывать, что Кристина – не такая, как я. Меня ничто не привязывает к одному месту. У нее есть мать и младшая сестра, прежде они были во фракции правдолюбів.

– Предки должны заботиться о моей сестренке, – произносит она. – Они никогда не захотят рисковать ее жизнью.

– Но, по крайней мере, они в порядке?

– Они справятся, – говорит она, уставившись на свои туфли. – Они хотят, чтобы я жила честно. А здесь у меня не получится.

Двери лифта распахиваются, и на нас налетает ветер. Он еще теплый, но в нем явственно чувствуются нотки осеннего холода. Слышу голоса, доносящиеся откуда-то с крыши, и поднимаюсь туда по лестнице. Она вибрирует под моими ногами, Кристина придерживает ее, пока я не достигну верха.

Юрайя и Зик уже здесь. Они бросают камешки, метя в оконные стекла. Юрайя пытается подтолкнуть Зика под локоть, когда тот примеривается к очередному броску, но Зик слишком ловок для него.

– Привет, – говорят они в унисон, когда замечают Кристину и меня.

– Вы, ребята, не родственники, случайно? – шутит Кристина.

Те смеются, хотя Юрайя выглядит так, будто он немного не в себе. Он какой-то потерянный. Я думаю, все из-за того, что он потерял Марлен.

На крыше нет строп для зиплайна, ну и что же? Кроме того, мне нравится высота. Я всегда рвусь увидеть линию горизонта. Земля к западу совершенно черна, словно накрыта темным одеялом. На какой-то миг мне кажется, что я вижу проблеск света, но быстро догадываюсь, что зрение меня обманывает.

Мы сидим тихо. Не думаем ли мы сейчас об одном и том же?

– Как считаете, что там? – прерывает молчание Юрайя.

Зик пожимает плечами, а Кристина предлагает версию:

– Что, если там, по сути, то же самое, что и здесь? Очередной разрушенный город с фракциями?

– Нет, – трясет головой Юрайя.

– Или там – вообще ничего, – предполагает Зик. – Те люди, которые бросили нас здесь... они ведь могли погибнуть.

Меня пробирает дрожь. Он прав: мы не знаем, что произошло с тех пор, как они нас сюда поместили. Не имеем понятия, сколько поколений жило и умерло с тех пор. Что, если мы – последние люди на Земле?

– Это не имеет значения, – говорю я резко. – Мы должны увидеть все своими глазами, а потом решим, что нам делать.

Мой взгляд пробегает по неровному силуэту крыши домов, пока их освещенные солнцем окна не смазываются в одну сплошную полосу. Юрайя спрашивает Кристину о бунте, и спокойствие рассеивается...

На следующий день Эвелин стоит среди обрывков портрета Джанин Мэтьюз в холле штаб-квартиры эрудитов и объявляет свод правил. Бывшие члены фракций и внефракционники собраны в вестибюле и на улице перед входом, чтобы услышать речь лидера. Солдаты выставили кордоны и держат пальцы на спусковых крючках оружия. Мы под их полным контролем.

– Вчерашние события показали, что мы с вами не в состоянии доверять друг другу, – вещает она, ее лицо серое и усталое. – Мы вынуждены ввести более жесткие порядки в том, что касается жизни каждого, пока ситуация не стабилизируется. И первой из подобных мер будет комендантский час. Каждый обязан вернуться в свое жилое помещение до девяти часов вечера. Запрещено покидать общежитие ранее восьми утра. Охранники будут круглосуточно патрулировать улицы, для поддержания безопасности.

Я непроизвольно фыркаю и пытаюсь скрыть смех под кашлем. Кристина пихает меня локтем в бок и прижимает палец к губам. Чего она волнуется? Эвелин ведь меня не услышит.

Тори, бывшая лидером лихачей, находится в нескольких футах от меня, скрестив на груди руки. Ее рот кривится в ядовитой усмешке.

– Наступает время подготовиться к нашему новому образу жизни. Вы обязаны начать изучение обычной деятельности бесфракционников. Затем мы все будем выполнять работы по расписанию, в дополнение к нашим традиционным обязанностям, – произносит Эвелин и вроде как улыбается.

Ее улыбка похожа на оскал.

– Мы будем вместе работать для нашего города. Прежде фракции разделяли нас, но теперь мы едины. Отныне и навсегда.

Бесфракционники одобрительно аплодируют.

Я чувствую неловкость. Не то чтобы совсем я с ней не согласна, но те члены фракций, которые восстали вчера против Эдварда, вряд ли примут такой расклад. Власть Эвелин не так сильна, как может показаться.

Я начинаю пробиваться через толпу, потом я пробираюсь по коридорам, пока не нахожу запасную лестницу, по которой мы забирались в лабораторию Джанин. Тогда здесь валялись горы трупов. Зато теперь – чисто и прохладно.

Когда я прохожу по четвертому этажу, раздается громкий крик. Открываю дверь и вижу группу подростков. Они гораздо младше меня. Все – спортивного телосложения и с повязками бесфракционников. Они окружают парня, распростершегося на полу. Он из правдолюбов, одет в черное и белое.

Я подбегаю к ним. Рослая девушка вновь заносит ногу, чтобы пнуть лежащего.

Я ору:

– Эй, ты!

Бесполезно – ботинок бьет юношу в бок, и он стонет.

– Прекратите! – воплю я.

Девушка оборачивается. Она выше меня на добрых шесть дюймов, но я настолько разозлена, что ни капельки не боюсь.

– Прочь, – кричу я.

– Он нарушил дресс-код. Я имею на это право и не собираюсь следовать приказам от любителей фракций, – отчеканивает она, не сводя глаз с татуировки над моей ключицей.

– Бекс, – окликает ее мальчик. – Она – Трис Прайор.

Остальные, похоже, впечатлены, но девушка презрительно усмехается.

– Ну и что?

– А то, – отвечаю я. – Однажды я избивала кучу народу, чтобы пройти посвящение в лихачи, и я легко отделаю тебя.

Снимаю свою синюю кофту и кидаю ее избитому парнишке. У него рассечена бровь. Он с трудом поднимается, держась за бок, и набрасывает одежду на плечи.

– Готово, – заявляю я. – Теперь он ничего не нарушает.

Девушка обдумывает ситуацию, прикидывая, очевидно, хочет ли она драться со мной или нет. Я практически слышу ее мысли: она мелкая, значит, легкая, но – из лихачей, поэтому ее сложновато победить. Может, она даже знает, что я убивала, а может, просто не хочет лишних проблем. Наконец, она отступает.

– Ты бы лучше о себе побеспокоилась, – ворчит она.

– Незачем, – отвечаю я. – А теперь убирайтесь вон.

Жду, пока они не разойдутся, а тот мальчишка окликает меня:

– Подожди. Твоя кофта.

– Бери себе.

Я сворачиваю за угол, надеюсь найти другую лестницу, но оказываюсь в пустом коридоре. Внезапно я слышу шаги позади. Оглядываюсь, готовая встретиться с бесфракционниками, но там никого нет. Наверное, я превращаюсь в параноика.

Открываю дверь, ведущую из главного коридора, надеясь обнаружить окно и сориентироваться. Передо мной – очередная разграбленная лаборатория. Мензурки и пробирки разбросаны по углам, клочки бумаги устилают пол. Нагибаюсь за одним, и вдруг гаснет свет. Кто-то хватается за руку и тащит, мне накидывают мешок на голову и прижимают к стене. Пытаюсь драться, путаясь в ткани, закрывающей мне лицо.

Только не это! Нет! Мне удается вывернуть и освободить из захвата одну руку. Я бью, попав кому-то то ли в плечо, то ли в подбородок.

– Эй, – произносит чей-то голос. – Потихе.

– Приносим извинения за то, что напугали тебя, Трис, – говорит кто-то еще, – но анонимность является неотъемлемой частью нашей работы. Мы не причиним тебе никакого вреда.

– Не трогайте меня. – рычу я.

И меня моментально отпускают.

– Кто вы? – спрашиваю требовательным тоном.

– Мы – верные, – отвечает кто-то. – Учти, нас много.

Я истерически хохочу. Может, от шока или от страха. Сердце постепенно успокаивается, зато руки трясутся от облегчения.

Первый голос продолжает:

– Ты не лояльна к Эвелин Джонсон и ее холуям.

– Как смешно!

– Смешно доверять кому-то, имея такую репутацию, как у тебя.

Я стараюсь рассмотреть хоть что-нибудь сквозь мешок, но материя чересчур плотная. Под ногами хрустят осколки лабораторной посуды.

– Ладно, – говорю я. – А вам что за дело?

– Ты ведь хочешь уйти отсюда, – отвечают мне, и я вновь чувствую волнение. – Мы можем попросить тебя об одном одолжении, Трис Прайор? Завтра в полночь мы собираемся провести встречу. Не могла бы ты привести своих друзей из фракции лихачей?

– Позвольте мне задать вам встречный вопрос. Если я завтра увижу ваши лица, почему сейчас у меня на голове – мешок?

Кажется, я поставила их в тупик.

– А будущее неизвестно, – парирует кто-то. – Итак, завтра, в полночь, в том месте, где ты исповедовалась.

Дверь распахивается, и раздается топот удаляющихся ног. Я срываю мешок. Это темно-синяя наволочка со словами «Фракции или смерть», выведенными на нем. Верные, безусловно, склонны к драматическим эффектам. Место, где я делала признания, говорите? Есть только одно: штаб-квартира правдолюбов, где мне вкололи сыворотку правды.

Когда я возвращаюсь в общежитие, то нахожу записку от Тобиаса, подсунутую под чашку с водой на тумбочке.

«Завтра утром допрашивают твоего брата. Я не смогу пойти, иначе это вызовет подозрения, но я расскажу тебе о приговоре, когда смогу. Мы что-нибудь придумаем. В любом случае, все скоро закончится».

8. Трис

Девять часов. Может, именно сейчас выносят приговор Калебу, пока я завязываю шнурки на ботинках или в четвертый раз расправляю простыни на кровати. Провожу рукой по волосам. Вердикт тайного трибунала огласят публично. Калёб являлся правой рукой Джанин, до самой ее смерти. Какое решение они вынесут, мне ясно. Ближайшие соратники Джанин будут уничтожены.

И кстати, почему это должно меня беспокоить? Он меня предал. Он не попытался воспрепятствовать моей казни. Наплевать... или нет. Я сама не знаю.

– Привет, Трис, – окликает меня Кристина и стучит костяшками пальцев по дверному косяку.

Из-за ее спины выглядывает Юрайя. Он по-прежнему улыбается, но как-то вымученно.

– Есть новости? – спрашивает она.

Я снова оглядываю комнату. Все убежали завтракать, в соответствии с расписанием. Я попросила эту парочку зайти ко мне.

Мой собственный желудок урчит.

– Да, – отвечаю я.

Они садятся на койку напротив меня, и я рассказываю им о том, что со мной случилось в лаборатории эрудитов.

– Удивительно, что ты лишь слегка стукнула одного из них, – смеется Юрайя.

– Я все-таки была в меньшинстве, – огрызаюсь я.

Мы живем в странные времена. Я уже не уверена, что даже в глубине души осталась верна кодексу лихачей, тем более теперь, когда фракций вообще не существует. А кое с чем бывает трудно смириться.

– Что они хотят? – осведомляется Кристина. – Просто покинуть город?

Я пожимаю плечами.

– А если они – люди Эвелин? Вдруг она пытается поймать нас в ловушку?

– Без понятия, – бурчу я. – Но без чьей-нибудь помощи убраться из города невозможно, а я, к вашему сведению, не собираюсь здесь оставаться, чтобы учиться водить автобусы и ложиться спать по приказу.

Кристина кидает на Юрайю встревоженный взгляд.

– Послушайте, – продолжаю я, – вы не обязаны ничего предпринимать, но мне нужно выбраться отсюда. Я собираюсь узнать, кем была Эдит Прайор и что ждет нас за оградой. Я просто должна.

И я вздыхаю. На меня накатывает волна отчаяния, которое невозможно игнорировать. Как будто кто-то чужой пробудился от долгого сна внутри меня. Он ворочается во мне, как встревоженный зверек. Я должна уйти.

С лица Юрайи наконец сползает улыбка, он говорит:

– Мне тоже надо.

– Ладно, – соглашается Кристина, хотя в ее темных глазах по-прежнему заметно беспокойство. – Сходим на дурацкую встречу.

– Отлично. Кто-нибудь из вас передаст это Тобиасу? Мне необходимо держаться от него подальше, мы с ним якобы расстались. Увидимся в переулке в половине двенадцатого.

– Хорошо, я позабочусь. Мы с ним сегодня в одной группе, – произносит Юрайя. – Изучаем производство, я прям сгораю от нетерпения, – ухмыляется он. – А Зику сказать?

– Да. Только убедись сперва, что он никому не растреплет.

Снова смотрю на часы – девять пятнадцать. Приговор Калебу должны уже вынести. Но нам следует тащиться на урок – изучать рабочие специальности. Любая мелочь может вывести

меня из равновесия... Начинаю дергать ногой и сама не замечаю. Кристина обнимает меня. Она не задает лишних вопросов, за что я ей очень благодарна. Я не представляю, что ей отвечать.

* * *

Мы с Кристиной пробираемся по закоулкам штаб-квартиры эрудитов к задней лестнице, опасаясь попасться патрулю. Рукава моего свитера опущены до самых кончиков пальцев, чтобы скрыть карту, которую я заранее нарисовала на ладони. В принципе, я знаю, где находится штаб-квартира правдолюбив, другое дело, что не ведаю лазеек и переходов, которые могли бы нам пригодиться.

Юрайя стоит на обусловленном месте. Он одет в черное, но намек на серый цвет альтруистов все же проглядывает на воротнике его свитера. Мне странно видеть моих друзей из фракции лихачей в одежде альтруистов. Иногда кажется, что ликвидация фракций имеет и положительные моменты.

– Я сообщил Четыре и Зику. Они туда подойдут, – докладывает Юрайя.

– Хорошо.

Мы втроем бежим по переулку к Монро-стрит. Я стараюсь не вздрагивать от стука наших ботинок. Сейчас нам гораздо важнее, быть быстрыми, нежели осторожными. Когда мы поворачиваем на Монро, я проверяю, нет ли позади патруля бесфракционников. Какие-то темные силуэты мелькают на Мичиган-авеню, но вскоре пропадают.

– А Кара? – шепчу я Кристине.

Мы находимся на Стейт-стрит, – далековато от штаб-квартиры эрудитов. Значит, можно было говорить без опаски.

– Думаю, что ее не позвали, – отвечает Кристина. – Странно, правда?

– Тсс, – шипит Юрайя.

При свете циферблата наручных часов смотрю на свою разрисованную ладонь.

– Рэндольф-стрит.

Мы мчимся в одном темпе, наша кровь пульсирует почти в унисон. Несмотря на боль в мышцах, мне нравится бег. Мои ноги болят, когда мы достигаем моста, но потом я вижу Супермаркет Безжалостности за рекой, заброшенный и неосвещенный, и улыбаюсь. Юрайя притормаживает.

– Между прочим, – бормочет он, – нам нужно преодолеть миллион лестничных ступеней.

– Может, они включили лифт?

– Вряд ли, – качает он головой. – Бьюсь об заклад, Эвелин контролирует использование электричества – это лучший способ узнать о тайной встрече.

Я мрачнею. Может, я люблю бегать, но терпеть не могу подниматься по лестнице.

Когда мы, наконец, достигаем вершины лестницы, мы уже еле дышим, а до полуночи остается всего пять минут. Остальные идут вперед, я останавливаюсь возле лифтовой шахты. Юрайя не ошибся: за исключением указателя выхода, нигде нет ни одного огонька. Именно в блекло-голубом свете указателя я замечаю Тобиаса. Он выходит из комнаты для допросов.

После того нашего свидания мы общались с ним исключительно с помощью записок. Я сдерживаю себя, чтобы не кинуться к нему, не ощупать изгиб его губ, его мужественную линию подбородка... Но до полуночи осталось две минуты. У нас нет времени.

Однако на секунду он обнимает меня. Его дыхание щекошет мне ухо, я закрываю глаза и на мгновение расслабляюсь. Он пахнет ветром, потом и мылом. Этот запах прочно ассоциируется у меня с ним, и еще – с безопасностью.

– Ну что? – спрашивает он. – Они, вероятно, здесь.

– Да, – мои колени подкашиваются. – Ты узнал что-нибудь о Калебе?

– Отложим на потом.

Никаких разъяснений больше не нужно.

– Они собираются его казнить? – уточняю я.

Он кивает и берет меня за руку. Я не понимаю, что я должна сейчас чувствовать.

Вместе мы заходим в комнату, где нас когда-то допрашивали с помощью сыворотки правды. *«Место, где ты исповедовалась...»*

Свечи расставлены на полу вокруг одной из чаш правдолюбов. Я узнаю Сьюзан и Роберта. Питер стоит в сторонке, скрестив руки на груди. Юрайя и Зик – вместе с Тори и еще несколькими лихачами. Кристина вместе со своей матерью и сестрой. В углу – два очень нервных эрудита. Новая одежда так и не стерла границ между нами, они слишком укоренились.

Кристина манит меня к себе.

– Познакомься с моей мамой – Стефани, – представляет она мне женщину с сединой в темных выющихся волосах. – И моя сестра – Роуз. А это – моя подруга, Трис, и мой инструктор при инициации, Четыре.

– Мы поняли, кто они, – отвечает Стефани. – Мы видели их допросы.

– Я просто хотела быть вежливой.

– Очередная форма обмана, Кристина.

– Ага, – закатывает глаза Кристина.

Ее мать и сестра насторожены и раздражены.

Ее сестра бросает мне:

– Значит, ты убила парня Кристины.

От ее слов внутри у меня все замерзает, как будто ледяная молния раскалывает мое тело пополам. Я молчу.

– Роуз, – одергивает ее нахмурившаяся Кристина.

Мышцы Тобиаса напрягаются – готов к бою, как всегда.

– Я подумала, что мы должны сразу прояснить данный вопрос, – продолжает Роуз.

– И вы еще удивляетесь, почему я оставила вашу фракцию? – возмущается Кристина. – Не обязательно по любому поводу выкладывать все, что приходит в голову.

– Ложь во спасение по-прежнему остается ложью.

– Ах, вам правды захотелось? Мне с вами неприятно, и я хочу уйти. Пока!

Она берет меня под руку и уводит нас с Тобиасом, не переставая ворчать.

– Извините.

– Ничего, – произношу я.

Я считала, что с получением прощения от Кристины с проблемой смерти Уилла будет покончено. Но все получилось наоборот. Просто со временем легче отвлекаться от содеянного.

Мои часы показывают двенадцать. Дверь в комнату открывается, и в проеме появляются двое. Это – Джоанна Рейес, бывший пресс-секретарь Товарищества. Ее лицо пересекает шрам. Желтый шарф выглядывает из-под ее черной куртки. С ней рядом – женщина в синем. Я приглядываюсь – и пугаюсь. Она – вылитая... Джанин.

Но Джанин мертва.

Женщина приближается к нам. Это стройная блондинка, как и Джанин. Из ее кармана торчат очки, волосы заплетены в косу. Типичный эрудит. Но не Джанин Мэтьюз, а Кара. Значит, Кара и Джоанна – лидеры верных?

– Привет, – говорит Кара.

Все разом замолкают. Она натянуто улыбается.

– Нам опасно здесь находиться, поэтому я буду краткой. Некоторые из вас, например, Зик и Тори, помогали нам.

Что? Видимо, я подзабыла, что Зик был шпионом лихачей. Чем, вероятно, и доказал свою лояльность Каре. Он, в общем, являлся ее другом, до тех пор пока она не покинула штаб эрудитов. Зик тарашится на меня и усмехается.

Джоанна продолжает:

– Остальные не доверяют Эвелин Джонсон. И не ей определять судьбу города.

Кара сжимает кулаки.

– Мы верим, что необходимо следовать двум главным идеям основателей: делению на фракции и исполнению миссии дивергента Эдит Прайор, заключающейся в отправке людей вовне – за ограду. Несмотря на то, что у нас нет нужной численности дивергентов, ситуация настолько обострилась, что мы должны отправить людей за пределы города немедленно. Таким образом, в полном соответствии с намерениями основателей у нас есть две задачи: восстановить фракции, свергнув Эвелин, и отправить наших представителей на разведку. Джоанна будет отвечать за первое, а я – за второе. И сегодня мы определимся, именно со второй задачей, – произносит она и поправляет прядь, выбившуюся из косы. – Пойти смогут немногие. Толпа привлечет внимание. Эвелин без боя не сдастся, поэтому я решила выбрать людей, которые имеют опыт выживания в различных передрягах.

Я смотрю на Тобиаса.

– Кристина, Трис, Тобиас, Тори, Зик и Питер, – говорит Кара. – Вы доказали свое умение, поэтому я хотела бы пригласить вас прогуляться со мной за пределы города. Естественно, соглашаться никто не обязан.

– Питер? – вырывается у меня.

– Он сумел удержать эрудитов от твоей казни, – мягко поясняет Кара. – А кто обеспечил условия для фальсификации твоей смерти?

Я хмурюсь. Как-то никогда не задумывалась об этом. Зачем возвращаться в прошлое? Кроме того, Кара была единственным хорошо известным перебежчиком из фракции эрудитов, к кому, как не к ней, мог обратиться Питер?

Я умолкаю. Да, я не хочу покидать город вместе с Питером, но я так стремлюсь вырваться отсюда, что не поднимаю шумиху.

– Лихачей многовато, – скептически говорит девушка, стоящая у стены.

У нее густые, почти сросшиеся брови и бледная кожа. Когда она поворачивает голову, я вижу татуировку за ухом. Очевидно, она сама из бывших лихачей, перебежавших к эрудитам.

– Верно, – кивает Кара. – Но нам требуются люди с определенными навыками. Я думаю, обучение, которое проходили лихачи, как нельзя лучше подготовило их для выполнения этой задачи.

– Мне очень жаль, но я не могу оставить Шону, – заявляет Зик. – Только не после того, как ее сестра... ну, вы понимаете.

– Возьмите меня, – поднимает руку Урия. – Я лихач. И меткий стрелок. Благодаря мне в нашей группе будет настоящий мачо.

Я смеюсь.

– Спасибо, – благодарит Кара.

– Кара, вам следует поторопиться, – говорит бледная девушка-лихачка, ставшая эрудитом. – И еще кому-то надо уметь управлять поездом.

– Неплохая идея, – соглашается Кара. – Есть желающие?

– Я справлюсь, – отвечает, конечно же, бывшая лихачка.

План постепенно обретает плоть. Джоанна предлагает, чтобы позже мы использовали пикапы Товарищества. Роберт вызывается ей помочь. За несколько часов до побега Стефани и Роуз начнут контролировать передвижения Эвелин и сообщать по радию о любом необычном ее поведении в резиденцию Товарищества. Тот лихач, который пришел с Тори, обещает раздобыть нам оружие. Девушка из эрудитов и Кара анализируют наши задумки на наличие слабых мест, и вскоре мы убеждаемся, что все выглядит достаточно безопасным и осуществимым. Остается последний вопрос, который и задает Кара:

– Когда мы отправляемся?

– Завтра вечером, – отвечаю я.

9. Тобиас

Ночной воздух холодит мои легкие. Наступила моя последняя ночь в городе.

Юрайя, Зик и Кристина направляются к штаб-квартире эрудитов. Я удерживаю Трис за руку и тяну ее обратно.

– Давай прогуляемся.

– Ты чего?

– Мы быстро, – и тащу ее за угол.

Сейчас кажется, будто пустой канал заполнен темной водой, в которой отражается лунный свет.

– Ты ведь со мной, Трис. Они не будут нас арестовывать.

Легкая улыбка сквозит в уголках ее губ.

За углом, она прислоняется к стене. Тени вокруг ее глаз подчеркивают яркость зрачков Трис.

– Я не знаю, что делать, – она прижимает руки к лицу и ерошит себе волосы. – Я имею в виду с Калемом.

– Не знаешь?

Она смотрит на меня.

– Трис, – начинаю я. – Ты же не хочешь, чтобы он умер?

– Дело в том... – она зажмуривается. – Я так... зла на него. Я стараюсь вообще не думать о нем, потому что хочу, чтобы...

– Я отлично тебя понимаю.

Я и сам мечтал убить Маркуса. Однажды я даже решил, как это сделаю, – ножом, так, чтобы почувствовать, как жизнь вытекает из него по каплям. Но эта мысль испугала меня еще сильнее, чем его жестокость.

– Наши родители попросили бы меня его спасти, – теперь ее светлые глаза широко открыты, она смотрит в небо. – Они бы сказали, что это эгоистично – обрезать кого-то на смерть, только потому, что обидел тебя. Боже мой...

– Дело не в том, Трис.

– Нет, – она отталкивает меня. – Он был связан с ними куда больше, чем со мной. А я хочу, чтобы они мной гордились. Вот и все.

Я никогда не имел родителей, которые могли быть для меня хорошим примером и чьи ожидания стоило бы оправдывать. А мать и отец Трис воплотились в ней самой – в ее смелости и красоте. Прикасаюсь к щеке Трис, глажу ее волосы.

– Я вытащу его.

– Откуда?

– Из тюрьмы. Завтра, прежде чем мы покинем город, – обещаю я.

– Правда? Ты уверен?

– Абсолютно.

– Я... Спасибо. Ты... удивительный.

– Просто ты не знаешь моих скрытых мотивов, – улыбаюсь я. – Я позвал тебя сюда вовсе не для того, чтобы болтать о Калебе.

– Да?

Я кладу руки ей на бедра и притискиваю к стене. И в нас обоих пробуждается страсть.

Склоняюсь к ней и ощущаю ее дыхание. Она льнет ко мне, но я отодвигаюсь, дразня ее. Трис цепляет пальцами меня за ремень и дергает к себе, так что я локтями стучаюсь о кирпичи. Она пытается поцеловать меня, но я уворачиваясь и сам целую в макушку, затем в щеку, в шею... Ее кожа мягкая и соленая на вкус, после ночного бега.

– Сделай мне одолжение, – шепчет она, – никогда больше не рассказывай мне о своих благородных намерениях.

Она обнимает меня, проводит руками по спине и плечам. Кончики ее пальцев проскальзывают под пояс моих джинсов. Я боюсь пошевелиться. Наконец, мы целуемся, и это приносит нам облегчение. Она вздыхает, а я счастливо улыбаюсь. Приподнимаю ее, и ее ноги обвиваются вокруг моей талии. Она смеется, и я чувствую себя очень сильным и храбрым.

Это лучшая моя ночь в городе.

10. Тобиас

Разоренное здание в секторе лихачей выглядит так, словно здесь прячется дверь в иные миры. Впереди возвышается башня Спайр, пронзающая небо.

Кровь, пульсирующая в висках, отбивает секунды. Хотя лето подходит к концу, все еще тепло. Тренируя мышцы, я потратил бездну времени на занятия бегом и борьбой. И бег, и борьба стали для меня единственным способом избежать опасности, остаться в живых. Я мчусь к зданию и притормаживаю перед входом.

Зеркальные оконные стекла отражают свет. Где-то там – кресло, в котором я сидел, во время симуляции атаки, пятно крови отца Трис на стене... Тогда голос Трис прервал этот процесс, и я ощутил ее руку на своей груди. Трис вернула меня в реальность.

Распахиваю дверь в панорамную комнату страхов и со щелчком открываю крышку черной коробочки со шприцами, которая лежит в моем заднем кармане. Вот знак моей слабости и силы.

Прижимаю иглу к шее и нажимаю на поршень. Коробка падает на пол, а мое сознание переносится в другое место.

Я стою на крыше Хэнкок-билдинг, неподалеку от крепления троса зип-лайна, с помощью которого лихачи играют в прятки со смертью. В небе – черные тучи, у меня перехватывает дыхание от ветра. Трос справа от меня лопается и, отлетев назад, разбивает окно.

Мой взгляд скользит взглядом по крыше, фокусируется на ней. Несмотря на свист ветра, я заставляю себя подойти к краю. Дождь лупит по плечам и голове, пытается сбросить меня вниз, к земле. Я наклоняюсь и падаю. Мой рот раздражает полузадушенный ужасом крик.

Приземляюсь. Я жив, но стены молниеносно начинают сжиматься. Клаустрофобия. Прижимаю руки к груди и закрываю глаза, стараясь не паниковать.

Я думаю об Эрике и его тактике в комнате страха. Он хотел усмирить панику, прибегая к логическому мышлению. Вспоминаю, как Трис прямо из воздуха доставала оружие, чтобы сразиться со своими кошмарами. Но ведь я не Эрик и не Трис. Кто же я? Что нужно мне, чтобы преодолеть страхи? Я знаю ответ. Надо лишить их власти контролировать меня. Мне необходима уверенность, что я сильнее их. Я со всей силы бью кулаками о стену передо мной. Она трещит, панели разбиваются, падая на бетон. Я стою во мраке над обломками.

Амар, мой инструктор инициации, учил, что наши страхи постоянно меняются в зависимости от нашего настроения. О трансформациях нашептывают нам ночные кошмары. Мои всегда были одинаковыми, по крайней мере до тех пор, пока я не доказал себе, что могу одержать верх над отцом. Зато теперь я не понимаю, что меня ждет.

В течение долгого времени ничего не происходит. Я стою на твердом холодном полу, лишь сердце бьется быстрее, чем обычно. Смотрю на часы и обнаруживаю, что они не на той руке. Обычно я ношу их на левой. Теперь они – на правой, и ремешок черный, а не серый. Вдруг я замечаю грубые волоски на своих пальцах. Зато мозоли на костяшках исчезли. Я оглядываю себя: на мне серые брюки и рубашка. Мой живот явно толще, чем прежде, а плечи – узковаты. Передо мной появляется зеркало. На меня смотрит лицо Маркуса.

Оно подмигивает мне, но я чувствую, что мои глаза повторяют его мимику. Я не могу себя контролировать. Вдруг наши руки разбивают стекло и каждый из нас хватается за горло свое отражение. Но когда зеркала нет, я понимаю, что душу самого себя. Красные пятна мелькают перед глазами. Мы, я и мое отражение, падаем на пол, вцепившись друг в друга железной хваткой. Я не могу сообразить, как мне из этого выбраться.

Я дико ору. Моя шея вибрирует. Я думаю о своих руках как крупных, с длинными пальцами и мозолистыми костяшками после тренировок с боксерской грушей. Я представляю свою внешность в деталях. Моя кожа, как вода, стекает по телу Маркуса. В итоге, я переделываю

свое отражение в моем собственном воображении. Наконец, обнаруживаю себя стоящим на коленях на бетонном полу и хватающим ртом воздух. Дрожащими пальцами ощупываю себя и немного успокаиваюсь.

Когда мы месяц назад ехали с Трис на поезде на встречу с Эвелин, я признался ей, что Маркус по-прежнему появляется в моих кошмарах. Мысли о нем одолевали меня перед сном, а когда я просыпался, они снова начинали мучить меня. Я боялся его, хотя уже вырос. Я уже не ребенок, который избегает жестокого, злого отца. Теперь я страшился угрозы, которую он нес моему будущему, моему становлению в качестве взрослого человека. Но прошлые страхи ни в какое сравнение не идут с тем, что грядет.

Предчувствуя моего отца, я хочу вскрыть себе вены, лишь бы не видеть его снова.

Пятно света появляется на ледяном бетоне. В нем возникает рука. Пальцы согнуты как птичьи когти. Затем я вижу другую руку и голову со светлыми растрепанными волосами. Девушка, кашляя, медленно, дюйм за дюймом, вползает в круг света. Я не могу сдвинуться с места. Она поворачивает лицо, и я вижу, что это – Трис. Кровь течет по ее губам и подбородку. Она хрипит:

– Помоги...

Из ее рта падает алый сгусток. Я бросаюсь к ней, знаю, что не успею. Кто-то впивается мне в спину, но я продолжаю пробиваться к Трис. Царапаюсь и ору.

Я кричу ее имя, а она выплевывает все больше крови. Теперь я ничего не слышу, я вообще ничего не чувствую, кроме биения своего пульса и ужаса. Обессиленная, она падает. Я опоздал.

Помещение заливают яркие лучи.

Граффити покрывают стены комнаты страха. Напротив меня – зеркальное окно из смотрового помещения. В углах установлены камеры слежения. Я обливаюсь потом. Вытираю лицо подолом рубахи и иду к двери, оставив футляр со шприцем и иглами на полу. Он мне не нужен. Мне остается одно – только преодолеть свои страхи в реальности.

По собственному опыту я знаю, что лишь уверенность способна спасти человека. Конечно, это сработает и на третьем этаже штаб-квартиры эрудитов.

Я не должен здесь находиться: охранник-бесфракционный наставляет на меня оружие. Я нервничаю.

– Стой.

Я кладу руку на его пистолет и отвожу ствол в сторону.

– Нечего наставлять на меня пушку. Я тут по приказу Эвелин. Мне надо увидаться с заключенным.

– Время посещений закончилось.

Понижаю голос почти до шепота:

– Она не хочет, чтобы беседа была зафиксирована.

– Чак, – раздается голос Терезы с лестничного пролета над нами. – Пропусти его.

Я киваю Терезе. В коридоре чисто, мусор убран, но разбитые лампочки еще не заменены, так что пока я направляюсь к камере, то попеременно миную участки света и темно-лиловой тьмы.

Достигаю Северного коридора. Прежде чем зайти в нужную камеру, подхожу к женщине, сидящей в углу. Она – среднего возраста, с раскосыми глазами и жестким морщинистым ртом. Выглядит так, как будто абсолютно все ей надоело, особенно я.

– Привет, – обращаюсь я к ней. – Меня зовут Тобиас Итон. Я забираю заключенного по приказу Эвелин Джонсон.

Когда она слышит мое имя, выражение ее лица не меняется. Она никак на меня не реагирует. Как же мне достучаться до ее сознания? Но спустя полминуты она достает из кармана клочок смятой бумаги и расправляет его на ладони. Это список арестантов и номера их камер.

– Имя? – равнодушно произносит она.

– Кaleb Прайор. 308А.

– Ты сын Эвелин?

– Ну да, – говорю я.

Похоже, она не одобряет слово «ну», но подводит меня к металлической двери с номером 308А. Не думал, что нашему городу нужно столько тюремных клеток. Женщина набирает код, и замок со щелчком открывается.

– Я должна притвориться, что ничего не замечаю? – спрашивает она.

Наверное, она думает, что я собираюсь убить Калеба.

– Правильно, – отвечаю я.

– Тогда сделай одолжение, замолви за меня словечко перед Эвелин. Устала вкалывать в ночную смену. Я – Дреа.

– Конечно.

Она сминает бумажку в кулаке, запихивает ее обратно в карман и удаляется. Я дожидаясь, пока Дреа не вернется на свой пост. По-моему, ей все опостылело. Интересно, сколько людей бесследно исчезли отсюда за время правления Эвелин?

Вхожу. Кaleb Прайор сидит за металлическим столом, согнувшись над книгой. Его волосы сваялись.

– Ты чего пожаловал?.. – бурчит он.

– Мне неприятно прерывать твоё уединение... – делаю паузу.

Надо преподать Калебу урок.

– Знаешь, не могу сказать, что мне это неприятно. Твою казнь решили не откладывать. Она состоится сегодня ночью.

Мне удалось привлечь его внимание. Он смотрит на меня дикими, широко распахнутыми глазами, как дичь, нос к носу столкнувшаяся с охотником.

– Ты шутишь?

– Я неважный шутник.

– Нет, – трясет он головой. – У меня есть еще пара недель, только не сегодня, нет...

– Если ты сейчас заткнешься, я подарю тебе ровно час, чтобы ты привык к новой информации. А если нет, я нокаутую тебя и застрелю в каком-нибудь переулке. Выбор за тобой.

Наблюдать за эрудитом то же самое, что следить за механизмом часов: шестеренки цепляются друг за друга и поворачиваются, чтобы сформировать определенный результат. В данном случае – осознание неминуемой гибели.

Внезапно Кaleb хватается за стул и замахивается им. Он сильно бьет меня ногой и выскакивает наружу. Бегу за ним по коридору, мою ладонь саднит. Я оказываюсь проворнее и врезаюсь ему в спину. Он растягивается на полу ничком, не успев сгруппироваться. Я прижимаю его коленом, стягиваю ему запястья пластиковым шнуром. Он стонет, когда я поднимаю его на ноги, из носа у него течет кровь. Дреа таращится в одну точку.

Тащу его к аварийному выходу. Мы спускаемся по узкой лестнице, эхо наших шагов звучит глухим диссонансом. Когда мы достигаем самого низа, я стучу в дверь. Мне открывает Зик, на его лице глупая улыбка.

– Были проблемы с охранниками?

– Нет.

– Дреа такая... ей на все наплевать.

– Точно.

– Я не удивлен. Это Прайор?

– Собственной персоной.

– Почему у него кровь?

– Потому, что он придурок.

Зик дает мне черную куртку с эмблемой бесфракционников. Она нашита на воротник.

– Не знал, что идиотизм имеет подобные симптомы.

Набрасываю куртку на плечи Калебу и застегиваю на его груди одну из кнопок.

– Я думаю, что это – новый симптом, – заявляю я. – Снаружи чисто?

– Да, я проверил. – Зик протягивает мне пистолет. – Он заряжен. Кстати, не забудь мне врезать. Я же буду заливать бесфракционникам, что ты отнял у меня ствол.

– Ты действительно хочешь, чтобы я ударил тебя?

– Слушай, просто вмажь мне, Четыре.

Мне драться нравится. Люблю ощущение взрывной силы, энергии и чувство некоей избранности. Но я ненавижу эту часть себя, именно она испорчена во мне больше всего.

Сжимаю ладонь в кулак, Зик собирается с духом.

– Только быстро, моя прелесть, – хмыкает он.

Я бью его прямо в челюсть. Останется хороший синяк, – алиби Зику будет обеспечено. Он стонет. Боль пронзает и мою руку, я трясусь ей.

– Отлично, – сплевывает на пол Зик. – Кажется, хватит.

– Мне тоже.

– Вероятно, я тебя не увижу? Другие, возможно, вернутся, но ты... – он замолкает, но потом продолжает: – Просто мне кажется, что ты будешь только рад бросить все здесь.

– Да, ты прав. – Я смотрю на свои ботинки. – Уверен, что не хочешь пойти с нами?

– Не могу. Шона ни за что не согласится отправиться туда, куда вы, ребята, собираетесь.

А я не должен ее оставлять, – он ощупывает свою челюсть и добавляет: – Присмотри там, чтобы Юрайя не напивался, ладно?

– Заметано, – говорю я.

– Нет, ты пообещай мне, – говорит он, и его голос начинает звучать низко, как всегда, когда он хочет подчеркнуть серьезность своих слов. – Обещай, что присмотришь за ним.

С того момента, как я их встретил, я всегда понимал, что Зик и Юрайя ближе друг к другу, чем большинство братьев. Они потеряли отца, будучи маленькими. Подозреваю, что после его смерти Зик полностью сосредоточился на своем брате. Не могу даже представить, каково это для Зика, видеть, как Юрайя покидает город, тем более, что тот сейчас совершенно раздавлен гибелью Марлен.

– Ладно, обещаю, – соглашаюсь я.

Я знаю, что мне давно пора уходить, но задерживаюсь еще на некоторое время, чувствуя всю значимость момента. Зик был одним из первых, с кем я близко сошелся у лихачей, после того как пережил инициацию. Затем он работал со мной в контрольной комнате, наблюдая за камерами и составляя идиотские программы, выводящие на экран случайные слова и числа. Он никогда не спрашивал у меня моего настоящего имени или того, почему я, заняв первое место при инициации, стал охранником и инструктором, вместо того чтобы оказаться в руководстве. Он вообще ничего от меня не требовал.

– Давай обнимемся, что ли, – говорит он.

Продолжая держать одной рукой Калеба, обнимаю свободной рукой Зика, а он – меня. Потом, когда я уже тяну Калеба по переулку, не могу удержаться от того, чтобы не обернуться и не сказать:

– Я буду скучать по тебе.

– И я по тебе, моя прелесть.

Он хохочет, и его зубы блестят в полутьме. Это последнее, что я вижу, прежде чем отворачиваюсь, и мы с Калемом несемся к поезду.

– Вы куда-то собираетесь, – пыхтит Калев на бегу. – Ты и еще кто-то с тобой.

– Да.

– Моя сестра тоже?

Вопрос вызывает во мне такую ярость, что никаких ругательств недостаточно. Приходится со всей силы врезать ему кулаком по уху. Он дергается и втягивает голову в плечи, ожидая второго удара. Интересно, похож ли я сейчас на своего отца, когда он бил меня?

– Она тебе не сестра, – говорю я. – Ты предал ее. Ты пытал ее. Забрал у нее то единственное, что у нее оставалось, – ее семью. И для чего? Для того, чтобы сохранить секреты Джанин и самому остаться целым и невредимым? Ты жалкий трус.

– Я не трус, – возражает Калеб. – Я знал, что если...

– Давай ты будешь держать свой рот на замке, ладно?

– Хорошо, – соглашается он. – И все же, куда ты меня тащишь? Ты прекрасно мог бы убить меня и здесь.

Я не отвечаю. Краем глаза замечаю движение позади нас на тротуаре. Кладу руку на пистолет, но тень исчезает в щели. Вновь тяну за собой Калеба, и мы продолжаем бег, но теперь я все время прислушиваюсь, не раздадутся ли чьи-нибудь шаги. Под ногами хрустят осколки стекла. Вижу мелькающие по сторонам темные здания и уличные указатели, болтающиеся на петлях, как неопавшие осенние листья.

Наконец, мы добираемся до станции, где должны сесть в поезд. Веду Калеба к металлической лестнице, по которой мы поднимаемся на платформу. Издалека приближается поезд, совершающий свой последний рейс по городу. В детстве поезда казались мне частью природных сил, живых и могучих, продолжающих свой путь независимо от того, что происходит в городе. Теперь это перестало быть тайной для меня, но значит очень многое: мой первый поступок в качестве лихача состоял в том, чтобы на ходу прыгнуть на крышу вагона. Так что поезда являлись для меня источником свободы, они дали мне силу и свободу.

Думая об этом, я перочинным ножом разрезаю шнур на запястьях Калеба и крепко держу его за руку.

– Ты еще не забыл? – говорю я.

Он расстегивает куртку и бросает ее на землю:

– Знаю.

Бежим по изношенным доскам платформы, рядом с открытой дверью последнего вагона. Калеб никак не может дотянуться до поручня, и мне приходится подсаживать его. Он спотыкается, но успевает подтянуться и заскакивает внутрь. Из-за него мне приходится бежать дальше, но я успеваю ухватиться за поручень. Мои мышцы едва выдерживают рывок.

Вижу Трис. Ее лицо слегка искажено кривой улыбкой. Черная куртка застегнута, капюшон надвинут на лицо. Она хватает меня за воротник, притягивает к себе и целует. Потом отстраняется и говорит:

– Всегда любила наблюдать за тобой.

Я усмехаюсь.

– Значит, вы все спланировали? – интересуется Калеб из-за моей спины. – Она что, собирается присутствовать при моей казни?

– Казни? – переспрашивает Трис, не удостоивая брата взглядом.

– Я ему сказал, что веду его на казнь, – отвечаю достаточно громко, чтобы и он расслышал. – Знаешь, типа того, что он сделал с тобой в штаб-квартире эрудитов.

– Я... Так это неправда? – его лицо, освещенное луной, вытягивается от изумления.

Я замечаю, что кнопки его рубашки застегнуты вкривь и вкось.

– Не совсем, – отвечаю ему. – На самом деле, я только что спас тебе жизнь.

Он начинает что-то говорить, и мне приходится прервать его.

– Подожди благодарить. Мы берем тебя с собой. За ограду.

Это именно то, чего он всеми силами пытался избежать, даже пожертвовал своей собственной сестрой. Так что это куда более подходящее наказание для него, чем смерть. Смерть слишком быстра, слишком надежна и неотвратима, а там, куда мы идем, ничего надежного нет.

Он выглядит испуганным, хотя и не настолько, насколько я надеялся. Мне кажется, я понимаю, о чем он сейчас думает. Он расставляет приоритеты: самое главное, это его жизнь; потом, его собственный комфорт и где-то на последнем месте люди, которых он, по идее, должен любить. А он такой подлый субъект, что не имеет даже понятия о том, насколько он подл. Его уже ничто не изменит. Вместо того, чтобы сердиться, я чувствую абсолютную безнадежность.

Я беру Трис за руку и веду ее в другой конец вагона, чтобы видеть, как город исчезает с глаз. Мы бок о бок стоим в открытых дверях, держась за поручни. Темные здания вырисовываются на фоне неба зубчатым силуэтом.

– Нас преследовали, – говорю я.

– Следует быть осторожнее, – откликается она.

– Где остальные?

– В первых вагонах, – отвечает Трис. – Я хотела побыть с тобой наедине.

Она улыбается, хотя мы должны быть серьезными.

– Я действительно буду скучать по городу, – произносит она.

– В самом деле? – удивляюсь я. – А по мне так пропади оно все пропадом.

– И там ничего не осталось, что тебе дорого? Ни одного хорошего воспоминания? – она пихает меня локтем в бок.

– Ладно, твоя взяла, – улыбаюсь я. – Ну, есть несколько.

– А есть какие-нибудь, не связанные со мной? – спрашивает Трис. – Как бы это ни звучало, ты понимаешь, что я имею в виду.

– Конечно, понимаю, – говорю я, пожимая плечами. – Фракция лихачей дала мне новую жизнь и под новым именем. Благодаря моему инструктору по инициации я стал Четыре. Это он дал мне имя.

– В самом деле? – она наклоняет голову. – Почему ты не познакомил меня с ним?

– Он мертв. Он был дивергентом, – я снова пожимаю плечами.

Но я не чувствую себя виноватым. Амар был первым, кто заметил, что я сам из дивергентов. Именно он помог мне скрыть это, но сам не сумел утаить свое отличие от других, за что и поплатился. Не говоря ни слова, она лишь прикасается к моей руке. Но я отшатываюсь.

– Сама видишь, слишком много плохих воспоминаний. Я готов все их оставить здесь.

Я чувствую себя опустошенным, но нет грусти, только облегчение. Эвелин остается в этом городе, как и Маркус, и все кошмары, дикие воспоминания и фракции, которые держали меня словно зверя в клетке, не давая мне жить. Я сжимаю руку Трис.

– Смотри, – и показываю на группу зданий вдалеке. – Там сектор альтруистов.

Глаза у нее какие-то отсутствующие, словно в глубине души она растерянна. Поезд стучит по рельсам, слеза скатывается по щеке Трис. Город исчезает во тьме.

11. Трис

Поезд замедляет ход. Мы приближаемся к ограде, и машинист – девушка-лихачка – дает нам понять, что скоро выходить.

Мы с Тобиасом сидим в дверях тамбура, колеса лениво перестукивают по рельсам. Он обнимает меня и, затаив дыхание утыкается носом в мои волосы. Я смотрю на него, вижу ключицу, выглядывающую из-под воротника рубашки, его чувственные губы. На душе у меня теплеет.

– О чем думаешь? – шепчет он мне на ухо.

Вздрагиваю от неожиданности. Сейчас я смотрела на него не так, как прежде. Такое чувство, что он только что поймал меня на чем-то недозволенном.

– Ни о чем. Почему ты спрашиваешь?

– Просто так.

Он еще теснее прижимается ко мне, я кладу голову ему на плечо. Глубоко вдыхаю холодный воздух. Солнце за день прогрело траву, и она по-прежнему пахнет летом.

– Мы около ограды, – ворчу я.

Действительно, здания исчезают, уступая место полям, на которых мерцают огоньки светлячков.

Позади нас, возле другой двери тамбура, скорчился, обняв коленки, Калев. В какой-то момент наши глаза встречаются, и мне хочется заорать на него. Докричаться до самых темных глубин его души, чтобы, наконец, он услышал меня и понял, что натворил. Но вместо этого я просто смотрю ему в глаза. Он не выдерживает и отводит взгляд.

Я поднимаюсь на ноги, цепляясь за поручень. Тобиас и Калев делают то же самое. Калев норовит держаться позади нас, но Тобиас толкает его вперед, к самому дверному проему.

– Ты – первый. Прыгай по моей команде, – приказывает он. – Давай.

Он слегка понуждает Калеба, тот отрывается от порога вагона и исчезает во тьме. Тобиас прыгает следом. Я в вагоне одна.

Глупо жалеть о вещах, когда у тебя есть столько людей, по которым можешь соскучиться. Но я уже скучаю по этому поезду, как и по всем остальным поездкам, возившим меня по моему городу с тех самых пор, как я достаточно осмелела, чтобы ездить на них. В последний раз провожу пальцами по шершавой стенке вагона, а затем прыгаю. Поезд движется очень медленно, а я, не рассчитав, отталкиваюсь слишком сильно, в результате, падаю, и сухая трава царапает мне руки. Поднимаюсь на ноги, пытаюсь разглядеть в темноте Тобиаса и Калеба. Но прежде, чем нахожу их, слышу голос Кристины:

– Трис!

Они с Юрайей идут ко мне. У него в руках фонарик, и он выглядит куда более собранным и внимательным, чем накануне вечером. Хороший знак. За ними появляются лучи других фонариков, слышатся голоса.

– Ну, как твой брат? Прыгнул? – спрашивает меня Юрайя.

– Ага!

Наконец, я вижу Тобиаса, который за руку тащит к нам Калеба.

– Не понимаю, как человек из эрудитов может быть таким тупым, – ворчит Тобиас, – как ты все не понимаешь, что тебе от меня не удрать?

– Он прав, Калев, – объясняет Юрайя. – Четыре – шустрый. Ну, может, и не такой шустрый, как я, но тебе, заяц, до него в любом случае далеко.

Кристина смеется.

– Почему заяц?

– Игра слов, – Юрайя приставляет ладони к голове, имитируя заячьи уши. – Зайка-зайка.

– У лихачей хватает странного жаргона. Прелесть, дуболом, заяка, вот... А правдолюбков вы называете как-нибудь?

– Конечно, – улыбается Юрайя, – сопляками.

Кристина сильно толкает Юрайю, и тот роняет фонарик. Тобиас, смеясь, подводит нас к остальным членам группы, стоящим поодаль. Тори сигнализирует фонариком в воздухе, чтобы привлечь наше внимание, и говорит:

– Хорошо, ребята. Джоанна с грузовиками ждет нас в десяти минутах ходьбы отсюда, так что пошли. Но если я услышу еще хоть один звук, вдарю так, что мало не покажется. Мы еще не выбрались наружу.

Мы строимся в компактную группу. Тори идет в нескольких футах впереди нас. Со спины, в темноте, она напоминает мне Эвелин: такие же сухие и жилистые ноги, прямая спина, пугающая уверенность в собственной правоте. При свете фонарика я могу разобрать татуировку ястреба на ее затылке, – первое, о чем я ее спросила, когда Тори тестировала меня на пригодность. Она сказала тогда, что это символ страха, который она преодолела, – страха темноты. Интересно, не подкрадывается ли этот страх к ней сейчас, пусть она и уверена, что ей удалось избавиться от него? Уходят наши страхи насовсем или остаются, просто теряя над нами власть?

Она отрывается от нас с каждой минутой. Темп, который она взяла, больше смахивает на пробежку, чем на ходьбу. Наверное, она стремится убежать из этого места, где был убит ее брат, и сама она стала отверженной.

Она так далеко ушла вперед, что, когда раздаются выстрелы, я вижу только падение ее фонарика, но не ее тела.

– Разбегаемся, – громкий голос Тобиаса перекрывает наши вопли. – Быстро.

Ищу в темноте его руку и не нахожу. Тогда нащупываю пистолет, полученный от Юрайи перед отъездом, выхватываю его, чувствуя, что не могу дышать, как будто что-то сдавило мне горло. Мне нужен свет. Срочно. Бегу к телу Тори, где лежит выпавший из ее руки фонарик.

Я слышу, но не воспринимаю выстрелы, крики, топот, биение собственного сердца. Падаю рядом с пятнышком света и тянусь за фонариком. А потом вижу ее лицо. Оно блестит от пота, глаза бешено вытаращены. Одна из пуль вошла ей в живот, другая – в грудь. Никаких шансов, что она выживет. Я могла сердиться на нее за драку в лаборатории Джанин, но она все-таки Тори, которая сохранила мой секрет. Мне становится не по себе, когда я вспоминаю, как шла за ней в комнату для проверки моих склонностей, а ее «ястреб» маячил передо мной.

Она замечает меня и фокусирует на мне взгляд. Морщится, но не произносит ни слова. Я стискиваю ее пальцы. И слышу, как кто-то приближается к нам. Разом направляю фонарик и пистолет в ту сторону. В луче света появляется женщина, на ее рукаве – повязка бесфракционныхников, ствол направлен мне в голову. Стреляю, стиснув зубы. Пуля попадает ей в живот, она кричит, ее выстрел направлен куда-то в небо. Смотрю на Тори, она уже неподвижна. Молча бегу прочь.

Мои ноги жутко болят, легкие горят огнем. Я не знаю, спасусь я или встречу опасность, но я не останавлиюсь. Наконец, я вижу свет вдалеке. Сначала думаю, что это еще один фонарик, но по мере того, как я приближаюсь, понимаю, что источник света более мощный. Это – фары. Я слышу звук двигателя и падаю на землю, прячась в высокой траве. Выключаю свой фонарик, а пистолет держу наготове. Пикап замедляет скорость, и я слышу голос Кристины:

– Тори?

Пикап красный и ржавый, он принадлежит Товариществу. Встаю на ноги и освещаю себя фонариком. Машина тормозит. Кристина выпрыгивает из кабины и обнимает меня. А я пыта-

юсь осознать произошедшее: тело Тори, руки неизвестной женщины, хватающейся за живот... Бесполезно. Я не могу поверить в реальность этих видений.

– Слава богу, – говорит Кристина. – Но надо найти Тори.

– Тори мертва, – произношу я.

Вытираю слезы со щек тыльной стороной ладони, борюсь с собой, чтобы не зарыдать в голос.

– Я застрелила женщину, которая убила ее.

– Что? – выкрикивает Джоанна.

– Тори больше нет, – повторяю я.

Джоанна выдавливает:

– Ладно, давайте отыщем остальных.

Я забираюсь в пикап. Двигатель ревет, когда Джоанна нажимает на педаль газа. Машина подпрыгивает на кочках, прячущихся в густой траве.

– Вы видели наших? – спрашиваю я.

– Только Кару и Юрайю, – качает головой Джоанна.

Я хватаюсь за дверную ручку. Почему я искала Тобиаса? Что меня делать, если Тобиас не выбрался?

– Уверена, они в порядке, – произносит Джоанна, – твой мальчик позаботится о себе.

Я не спорю. Тобиас может за себя постоять, но при таком нападении шансы на выживание определяются случайностью. Ловкость и умение не помогут тебе избежать шальной пули. Надейся лишь на удачу или Провидение. Не знаю, сама я никогда не думала о том, верю ли я во что-нибудь.

Он в порядке, он в порядке. С Тобиасом все в порядке...

Мои руки дрожат, и Кристина кладет ладонь мне на колено. Джоанна везет нас к месту встречи, там нас должны ждать Юрайя и Кара. Я смотрю на стрелку спидометра, которая медленно ползет вправо, и замирает на числе 75. Машину трясет на ухабах, нас швыряет друг на друга в кабине.

– Там, – восклицает Кристина.

Впереди нас целый пучок огней, некоторые из них – тонкие лучики фонариков, другие – круглые, это – фары. Мы подъезжаем ближе, и я вижу его.

Тобиас сидит на капоте другого пикапа, его рукав пропитан кровью. Кара стоит рядом с аптечкой. В нескольких футах от них на траве расположились Кaleb и Питер.

Не дожидаясь, пока Джоанна остановит машину, я открываю дверь, выпрыгиваю и бегу к ним. Тобиас встает, не обращая внимания на Кару, требующую, чтобы он сидел на месте, и бежит мне навстречу. Обнимает меня здоровой рукой, отрывает от земли, прижимает к себе. Его спина взмокла от пота, когда он целует меня, я чувствую соль на его губах. Напряжение разом спадает. Я чувствую, что стремительно возрождаюсь. Ура! Мы выбрались из города.

12. Тобиас

Моя рука подрагивает, словно благодаря пуле зажила самостоятельной жизнью. Трис касается моего плеча и указывает на что-то справа от нас. Вижу ряд длинных, низких строений, озаренных голубым светом, похожим на свет аварийных ламп.

– Что там? – спрашивает Трис.

– Теплицы, – пожимает плечами Джоанна. – Они не требуют серьезной заботы, а наш город растет, следовательно, растет и потребление. Нам требуются животные, сырье для производства тканей, пшеница и так далее.

Стекла блестят в свете звезд, скрывая от наших взглядов воображаемые мною сокровища: маленькие кустики со свисающими с веток ягодами или ряды картофельной ботвы, под которой в земле зреют клубни.

– Ух, ты! – восклицаю я.

– У Товарищества свои секреты, – в голосе Джоанны отчетливо слышатся нотки гордости.

Перед нами расстилается длинная прямая дорога с трещинами и колдобинами. По обочинам торчат корявые деревья, сломанные фонарные столбы и старые опоры линий электропередач. Бетон тротуара зарос сорняками, за ними темнеют кучи гнилых деревяшек: это заброшенные дома.

Здания здесь гораздо ниже тех, которые мы оставили позади, но не менее многочисленны. Древний город, уничтоженный для того, чтобы Товарищество могло заниматься сельским хозяйством. Он был разорен, сожжен дотла. Его дороги тоже исчезают, – земля медленно, но верно одерживает верх над асфальтом.

Я чувствую ветер, который перебирает пряди моих волос. Когда я был маленьким, моя мама изображала, что создает из воздуха разные вещи: молотки, гвозди, мечи или роликовые коньки, и «отдавала» их мне. Это была игра, в которую мы играли по вечерам, на лужайке, пока Маркус не возвращался домой. Так мы преодолевали страх.

В кузове сидят Калев, Кристина и Юрайя. Последние двое соприкасаются плечами, но смотрят они в противоположные стороны, как чужие. Следом едет еще один пикап, управляемый Робертом, в нем – Кара и Питер. А Тори уже нет. Она проводила мой тест на пригодность той или иной фракции. Первой натолкнула меня на мысль, что я могу и должен оставить альтруистов. Я знаю, что не оплатил свой долг перед ней.

– Прибыли, – произносит Джоанна. – Вот внешняя граница, охраняемая патрулями лихачей.

Оказывается, тут нет никакой жуткой ограды, которая бы отмечала границу между городом и внешним миром. Но лихачи следят за тем, что происходит, из диспетчерской. Они контролируют, чтобы никто не пересек линию, отмеченную на их дисплеях рядом значков «Х». А маршруты самих патрулей проложены таким образом, чтобы у них кончался бензин, если они заедут слишком далеко. Это – тонкая система сдержек и противовесов, которая много лет хранила безопасность города и, конечно, не выдавала посторонним тайны альтруистов.

– Кто-нибудь пересекал границу? – интересуется Трис.

– Бывало, – кивает Джоанна. – В обязанности нашей фракции входило разбирательство с подобными ситуациями.

Трис вопросительно смотрит на нее.

– У каждой фракции есть свои сыворотки, – поясняет Джоанна. – Сыворотка лихачей вызывает галлюцинации, правдолюбов – заставляет говорить правду, Товарищества – позволяет примириться с судьбой, а сыворотка эрудитов несет смерть...

Трис вздрагивает, но Джоанна спокойно продолжает:

– Сыворотка альтруистов – стирает память.

– Что?

– Такое случилось с Амандой Риттер, – напоминаю я.

– Да, – подтверждает Джоанна. – Товарищество применяет сыворотку альтруистов к тем, кто пересекает границу. Я уверена, некоторые из них все же умудрились проскользнуть мимо нас.

Мы замолкаем. Я перевариваю услышанную информацию.

Существует что-то глубоко неправильное в самой идее стирания человеческой памяти. Я, конечно, знаю, это быда вынужденная мера, но мне очень неуютно. Такого не должно быть. Заберите у человека память, и вы присвоите его личность.

Я так возбужден, что мне хочется выпрыгнуть из собственной шкуры. Чем дальше мы удаляемся от патрулей и внешней границы, тем ближе к неизведанному миру. Я и в ужасе, и в восторге, смущен и воодушевлен, а также испытываю великое множество разнообразных иных чувств.

Вдруг в свете раннего утра я замечаю что-то впереди. Хватаю за руку Трис и кричу:

– Смотрите!

13. Трис

Внешний мир оказался полон дорог, темных зданий и заброшенных линий электропередач. Здесь нет ни одной живой души, не слышно ни звука, ничего не движется, кроме ветра и нас самих. Пейзаж похож на недосказанную фразу: его начало осталось незавершенным, как бы повисло в воздухе, и началась совершенно другая тема.

С одной стороны видны только пустоши, поросшие травой и заглохшие дороги. С другой – две бетонных стены с полудюжиной железнодорожных путей между ними. Над ними – бетонный мост, а внизу – дома из досок, кирпича и стекла. Деревья так разрослись, что их ветви соединились между собой. Справа – дорожный знак с числом «90».

– Что делать? – спрашивает Юрайя.

– Давайте пойдем по колее, – шепчу я.

На границе между «нашим» и «чужим» миром, мы выезжаем из пикапов. Роберт и Джоанна коротко прощаются с нами и уезжают обратно в город. Смотрю им вслед. Не могу понять, как это возможно. Я знаю, конечно, что у них куча дел. Например, Джоанна еще должна организовать восстание верных.

Тобиас, Питер, Кристина, Юрайя, Кара, я и Кaleb, подхватываем наши скудные пожитки и тащимся вдоль железнодорожных путей.

Рельсы – отполированные и гладкие, вместо деревянных шпал лежат балки из текстурированного металла. Впереди, недалеко от стены, я вижу пустой поезд. Тонированные окна поблескивают. Я различаю внутри ряды кресел с коричневой обивкой. Никто не смог бы запрыгнуть в такой вагон на ходу.

Тобиас идет по рельсу, балансируя разведенными в стороны руками. Остальные топают вразнобой. Мы почти не разговариваем, разве что иногда обращаем внимание друг друга на какую-нибудь диковинную деталь.

Но я сосредоточилась на бетонных стенах. Они покрыты странными изображениями гладкокожих людей. Еще тут множество огромных фотографий красочных флаконов с шампунями, бальзамами, витаминами или странными веществами, на них написаны непонятные слова: «Водка», «Кока-Кола» и «Энергетический напиток». Цвета и формы завораживают.

– Трис, – Тобиас кладет руку на мое плечо. – Ты слышишь?

Я замираю и замечаю тихий гул, прерывистый, но интенсивный. Он напоминает рокот двигателя.

– Замрите! – кричу я.

К моему удивлению, все останавливаются, даже Питер. Мы сходимся группой в середине колеи. Питер достает пистолет. Делаю то же самое, сжимая свой, на всякий случай, обеими руками. Помню, с какой легкостью я когда-то использовала его. Теперь все по-другому.

Что-то появляется из-за поворота. Похоже на черный пикап, но побольше. Он достаточно вместителен, чтобы в его крытом кузове поместилась дюжина человек. Меня бросает в дрожь.

Грузовик переваливает через рельсы и тормозит в двадцати футах от нас. Я вижу человека за рулем: у него темная кожа и длинные волосы, собранные в хвост на затылке.

– О боже, – восклицает Тобиас.

На пассажирском месте сидит женщина. Она – веснушчатая и примерно того же возраста, что и Джоанна. Незнакомка прыгает на землю и поднимает обе руки, показывая, что она не вооружена.

– Привет, – здоровается она, нервно улыбаясь. – Меня зовут Зоя. Это – Амар.

Она кивает на водителя, который тоже выходит из грузовика.

– Амар мертв, – заявляет Тобиас.

– Нет, я живой, Четыре, – отвечает Амар.

На лице Тобиаса – страх. Я не виню его. Не каждый день видишь такое. Лица тех, кого я потеряла, вихрем мелькают в моем сознании: Линн, Марлен, Уилл, отец, мать.

Что, если они еще живы? А занавес, который разделяет нас, это не смерть, а просто сетчатая ограда? Я не могу удержаться от своей глупой детской надежды.

– Мы работаем на организацию, которая основала ваш город, – произносит Зоя. – Эдит Прайор была ее членом. И еще...

Зоя лезет в карман и достает помятую фотографию, сверяется с ней и смотрит на меня в упор.

– Я думаю, ты должна увидеть ее, Трис. Сейчас я шагну вперед и положу фото сюда, хорошо?

Она знает мое имя. Причем не только имя, но и прозвище, которое я сама себе выбрала, войдя во фракцию лихачей. У меня ком подкатывает к горлу.

– Хорошо, – хрипло повторяю я.

Зоя кладет фото на рельсы, а затем возвращается назад. Я выхожу из нашей группы, чувствуя себя беззащитной, наклоняюсь и хватаю снимок. Потом осторожно отступаю.

На фото заснят ряд людей, стоящих вдоль забора. Нахожу среди них маленькую Зою, – девочку с веснушками. Я собираюсь спросить у нее, какое отношение ко мне имеют эти люди, но внезапно узнаю молодую женщину с тусклыми светлыми волосами. Моя мать. У меня перехватывает дыхание. Я чувствую горе, боль и тоску.

– Нам надо о многом с тобой побеседовать, Трис, – произносит Зоя, – но здесь не самое лучшее место. Мы хотели бы отвезти вас в нашу штаб-квартиру.

Держа пистолет, Тобиас касается моего запястья.

– Тут твоя мама? – уточняет он.

– Наша мама? – восклицает Калев, отпихивая Тобиаса и заглядывая мне через плечо.

– Да, – отвечаю я.

– Ты им доверяешь? – вполголоса спрашивает Тобиас.

Зоя не похожа на лгунью. Значит, слухи о том, кто такая Эдит Прайор – правда. И еще есть Амар, теперь бдительно наблюдающий за каждым движением Тобиаса.

– Мы сами хотели их найти, – признаюсь я. – Мы должны кому-то здесь доверять, не так ли? Иначе нам просто останется бродить по этой пустыне, пока не подохнем с голоду.

Тобиас опускает пистолет. Я тоже. Остальные следуют нашему примеру. Кристина – последняя.

– Но пообещайте, что мы можем свободно уйти оттуда в любое время, – отчеканивает она. – Ладно?

Зоя прижимает руку к груди.

– Даю вам слово.

14. Тобиас

Я стою у борта грузовика, вцепившись в стойку, на которой укреплен брезент. Как бы мне хотелось, чтобы новая реальность оказалась симуляцией. Тогда я бы мог манипулировать ею, разобраться в ней. Но я бессилен. Амар жив.

«Адаптируйся!» – такой была одна из любимых его команд во время моего посвящения. Его вопли будили меня лучше всякого будильника. Адаптируйся быстрее и лучше. Адаптируйся к любым ситуациям – и днем, и ночью.

Например, оставь знакомый тебе мир и отправляйся открывать другой. Или еще: прими, что твой мертвый друг на самом деле жив-здоров и сидит за рулем грузовика.

Трис скорчилась позади меня на скамейке. Она теребит в руках фотографию. Ее пальцы скользят по картинке, касаясь лица матери. Кристина устроилась справа, Калев – слева. Но Трис старается не касаться его, почти навалившись на Кристину.

– Значит, это ваша мама? – спрашивает та.

Трис и Калев кивают.

– Она молодая. И красивая, – тараторит Кристина.

– Да, она – красивая. То есть была.

Голос Трис не звучит печально, хотя ее губы дрожат. У меня складывается впечатление, что она ожидает чуда. Надеюсь, она не лелеет ложную надежду.

– Разреши мне посмотреть поближе, – просит Калев.

Молча, не глядя на него, она передает ему фотографию.

Я отворачиваюсь от них и продолжаю разглядывать нашу новую реальность. Вокруг нас расстилаются широкие поля. А позади – едва видимый в тумане, еще виднеется Спайр, возвышающийся над невидимым городом. Он похож на призрак.

Питер встает и становится рядом со мной у борта грузовика, держась за брезент, чтобы не упасть. Дорога поворачивает в сторону, и я больше не вижу полей. Теперь мы попадаем в лабиринт зданий. Некоторые – небольшие, как дома альтруистов, другие – широкие и приземистые.

Густые деревья растут внутри бетонных кругов, очевидно, служащих для того, чтобы их корни не расплзались и не разрушали мостовую. На коньке ближайшей крыши сидят в ряд черные птицы, такие же, какие вытатуированы на ключице Трис. Когда грузовик проезжает мимо, они пронзительно кричат и взмывают в воздух.

Я отхожу от борта и сажусь на скамейку. Закрываю глаза, не в силах справиться с потоком новой информации. Я чувствую сильные руки Трис на своих плечах, заключающих меня в их надежный круг. Она – молодец, я же словно оцепенел.

– Попытайся сосредоточиться на том, что происходит прямо здесь и сейчас, – советует мне Кара.

Я пробую. Думаю о том, что скамейка подо мной твердая, грузовик подсакивает, иногда даже на ровной дороге, а его вибрации передаются моему телу. Прислушиваюсь к своим ощущениям, когда машина проезжает по рельсам. И я перестаю ощущать даже течение времени, паника отступает, остается только наше движение по земле.

– Теперь ты можешь оглядеться, – голос Трис доносится будто издалека.

Кристина и Юрайя стоят на моем прежнем месте. Я задираю голову. Но обнаруживаю только высоченный забор. Пейзаж выглядит совершенно пустым по сравнению с плотной городской застройкой. Ограда сделана из длинных черных пик, заостренные концы которых загнуты наружу, чтобы проткнуть каждого, кто попытается перелезть.

В нескольких футах позади есть еще один забор, сделанный из металлической сетки, как тот, что окружает наш город. Но поверх этого протянута колючая проволока. Я слышу доносящееся оттуда гудение. Очевидно, все находится под электрическим напряжением. В простран-

стве между двумя заборами расхаживают люди с оружием, напоминающим наши пейнтбольные винтовки. Только они наверняка настоящие.

К первому забору прикреплена вывеска: БЮРО ГЕНЕТИЧЕСКОЙ ЗАЩИТЫ.

Амар неразборчиво обращается к охранникам. Ворота медленно открываются, пропуская нас. Я понимаю, что за этими заборами – железный порядок.

Везде стоят невысокие здания, разделенные аккуратными газонами и подстриженными деревьями. Дорожки, проложенные между ними, ухожены и размечены стрелками, указывающими различные пункты назначения: ТЕПЛИЦЫ – прямо; КОНТРОЛЬНО-ПРОПУСКНОЙ ПУНКТ – налево; ОФИЦЕРСКИЕ КАЗАРМЫ – направо, ГЛАВНАЯ РЕЗИДЕНЦИЯ находится прямо перед нами.

Озираюсь по сторонам и почти свешиваюсь из кузова. Бюро Генетической Защиты просто бесконечное. Прямо мамонт из стекла, стали и бетона. За ним торчат несколько башен с белыми шарами наверху. Не представляю, зачем они нужны, но когда я их вижу, на ум сразу приходят наши контрольные комнаты. Забавно будет, если я угадал.

Здесь почти нет людей. Впрочем, несколько человек провожают нас взглядами, но мне не удастся разглядеть их лиц – мы едем слишком быстро.

Грузовик тормозит перед двойными дверями, и Питер первым выпрыгивает на землю. За ним вылезает и мы, а потом сбиваемся в плотную кучку.

В городе мы были разделены на фракции. Учитывался и возраст, и происхождение. Здесь мы сами по себе.

– Вляпались, – бормочет Трис, когда к нам подходят Зоя и Амар.

«Вляпались», – повторяю я про себя.

– Добро пожаловать в Бюро, – изрекает Зоя. – Здание раньше принадлежало аэропорту О’Хара, – одному из крупнейших аэропортов в стране. Теперь, здесь штаб-квартира Бюро Генетической Защиты, или просто Бюро. Это – агентство правительства Соединенных Штатов.

Я невольно хмурюсь. В принципе, я знаю все слова, которые она произносит, кроме разве что «аэропорт» и «Соединенные Штаты». Похоже, я не единственный, кто выглядит удивленным. Питер вопросительно поднимает брови.

– Ох, извините меня, – спохватывается Зоя. – Я забывала, что вы почти ничего не знаете.

– Я считаю, это ваша вина, а не наша, – резко говорит Питер.

– Наверное, ты прав, – мягко улыбается ему Зоя. – Постараюсь объяснить. Аэропорт – специальное место, куда ты приезжаешь, если собираешься путешествовать по воздуху...

– Путешествовать по воздуху? – недоверчиво переспрашивает Кристина.

– Это такая техническая разработка. Подобные путешествия безопасны, быстры и удивительны, – произносит Амар.

– Ничего себе! – восклицает Трис.

Я размышляю о том, как должно быть здорово – пронзать воздух, взлететь высоко над Бюро. Полная свобода.

– Когда начался эксперимент, аэропорт преобразовали, чтобы мы могли следить за тем, что у вас происходит, дистанционно, – продолжает Зоя. – Сейчас мы с вами пройдем в диспетчерскую, где нас ждет Дэвид, руководитель Бюро. Вы увидите много непонятных вещей, но будет лучше, если вы сначала все сами рассмотрите, а затем будете задавать вопросы.

Мы следуем за ней, и двери перед нами распахивают два вооруженных охранника. Впрочем, когда мы минуем их, они приветливо улыбаются. Контраст между доброжелательным приветствием и громоздким оружием, выглядит какой-то шуткой.

Мы заходим в здание, и холодный воздух овеивает мне лицо. Стрельчатые окна пропускают внутрь тусклый свет, но от этого помещение не становится привлекательнее. Кафельная плитка на полу старая, потертая и грязная, стены – серые и пустые. Впереди маячат еще несколько человек. Они находятся возле какого-то механизма, табличка гласит: КОН-

ТРОЛЬНО-ПРОПУСКНОЙ ПУНКТ. Зачем им столько контроля, если они защищены двумя заборами, один из которых под напряжением? Но я не собираюсь соваться со своим уставом в чужой монастырь.

Трис трогает меня за плечо:

– Гляди, Тобиас.

В дальнем конце зала висит огромный блок из камня и стекла. Очередная загадка. А еще мне не понятен голодный интерес в глазах Трис. Иногда мне кажется, что мы с ней очень похожи, а порой я чувствую, насколько мы разные, будто между нами пролегает пропасть.

Кристина что-то говорит Трис. Обе хихикают. Но все, что я теперь слышу, звучит приглушенно и искаженно.

– Ты в порядке? – спрашивает меня Кара.

– Да, – механически отвечаю я.

– Паника – нормальное состояние, – продолжает она. – Поверь, нет необходимости постоянно доказывать нам свою крутость.

– Мою что?

Она весело смеется.

Люди на контрольно-пропускном пункте отходят в сторону, открывая длинный проход. Зоя объявляет:

– Оружие внутрь объекта вносить нельзя, вы должны оставить его на КПП. Потом сможете его забрать, если, конечно, вы решите уйти. Скоро мы пройдем через сканеры и продолжим наш путь.

– Она меня раздражает, – бурчит Кара.

– Что? – спрашиваю я. – Почему раздражает?

– Она не может отделить себя от собственной мудрости, – фыркает она, вытаскивая пистолет. – Чересчур умная.

– Ты права, – соглашаюсь я, впрочем, без особого возмущения.

Зоя кладет свой пистолет в серый контейнер, а затем направляется к сканеру. Это нечто вроде огромной коробки с проемом посередине. Достая пистолет, тяжелый от неиспользованных патронов, и тоже кладу его в лоток, который протягивает мне охранник.

Я наблюдаю за Амаром, Зоей, Питером, Калемом, Карой и Кристиной. Застываю у самого входа в эту штуковину: мои руки немеют и в груди становится тесно. Сканер напоминает деревянный ящик, привидевшийся мне в комнате страхов, тот, который сжимал и плющил мои кости. *Хватит с меня!*

Заставляю себя шагнуть внутрь. Раздается пронзительный звуковой сигнал. Я вздрагиваю и вижу ладонь охранника, жестом приказывающего мне выходить. *Бежать отсюда, бежать!*

Спотыкаюсь, выхожу из кабины. Наконец-то я снаружи. Кара бросает на меня подозрительный взгляд. Трис, пройдя следом за мной, берет меня за руку, но я еще во власти того кошмара из комнаты страхов. Через минуту ужас отступает.

Юрайя проходит контроль последним, и Зоя ведет нас дальше. За КПП уже не так грязно. Полы выложены плиткой, но она натерта до блеска, повсюду – окна. По обе стороны коридора я замечаю ряды лабораторных и компьютерных столов, как в штаб-квартире эрудитов. Но эти ребята, кажется, ничего не скрывают.

Сворачиваем направо. Люди тут же прекращают работать и таращатся на нас. Я ощущаю на себе их взгляды, как теплые солнечные зайчики, и краснею от смущения. Мы пробираемся в глубину здания. Наконец, Зоя останавливается и поворачивается к нам. Позади нее – круг темных экранов. Внутри него за невысокими столами сидят сотрудники, быстро набирая что-то на клавиатурах. Их лица озарены светом других экранов. Настоящие ночные мотыльки, кружащиеся над пламенем.

Зрелище напоминает мне диспетчерскую, но я не могу понять, чем они занимаются: ведь мониторы погашены. Напротив них расставлены кресла, как будто помещение предназначено для отдыха.

Рядом с диспетчерской появляется пожилой улыбающийся человек, одетый, как и остальные, в темно-синюю форму. Надо полагать, это и есть тот самый Дэвид. Он говорит:

– Наконец свершилось то, чего мы все ждали.

15. Трис

Достаю из кармана фото и нахожу на нем Дэвида. Он стоит как раз рядом с мамой, только лицо не морщинистое да талия поуже. Закрываю пальцем лицо мамы. Надежда, которая зародилось, исчезла как дым. Если бы мать, отец или друзья были живы, они бы встретили нас у дверей. Мне следовало догадаться, что история с Амаром – просто случайность.

– Меня зовут Дэвид. Как, вероятно, вам уже сообщила Зоя, я – руководитель Бюро Генетической Защиты. Попробую ввести вас в курс дела, – произносит он. – Главное, вы должны знать, что информация, которую вы получили от Эдит Прайор, верна, но... лишь отчасти.

Произнося имя Эдит, он многозначительно смотрел на меня. Я дрожу от нетерпения. Неужели я получу ответы на все мои вопросы?

– Она дала вам ровно столько информации, сколько следовало для достижения целей наших экспериментов, – продолжает Дэвид. – Во многих случаях это означало упрощения, умалчивания, а иногда и откровенную ложь. Но теперь, когда вы здесь, уже нет смысла лгать вам или что-то упрощать.

– Вы все время толкуете о каких-то экспериментах, – подает голос Тобиас. – Что это за эксперименты?

– Сейчас мы к этому подойдем. – Дэвид смотрит на Амара. – С чего они начинали, когда объясняли все вам?

– Не важно, с чего вы теперь начнете. Все равно вы не сможете подать информацию так, чтобы им легко было это осознать, – отвечает Амар, глядя вниз.

Дэвид откашливается и начинает:

– Давным-давно правительство Соединенных Штатов...

– Чего соединенных? – изумляется Юрайя.

– Это такая страна, – поясняет Амар. – Очень большая. Она имеет определенные границы и некий руководящий орган. Сейчас мы находимся в самом центре государства. Но продолжайте, сэр.

Дэвид потирает ладони, явно недовольный тем, что его прервали, и начинает снова:

– Несколько столетий назад правительство Штатов было заинтересовано в том, чтобы у граждан выработались оптимальные алгоритмы поведения. Были проведены исследования, которые показали, что тенденция к насилию отчасти заложена в генетический код человека. Тогда и нашли так называемый «ген убийства», а также довольно много других. Существует генетическая предрасположенность к трусости, нечестности, глупости, в общем, к качествам, которые, в конечном итоге, мешают жизни и развитию общества.

Нас учили, что фракции были созданы, чтобы решить проблему нашей несовершенной природы. Видимо люди, о которых говорит Дэвид, верили в то же самое. А я знаю только то, что гены передаются от родителей к детям, поэтому не могу себе представить, как можно выделить нечто, отвечающее за убийство или нечестность. Подобные качества слишком неопределенные, туманные, чтобы иметь своих физических носителей в организме человека. Впрочем, я же не эрудит.

– Есть целый комплекс факторов, которые определяют развитие личности, в том числе воспитание и собственный опыт человека, – продолжает Дэвид, – но, несмотря на мир и процветание, которые царили в стране почти целое столетие, нашим предкам показалось, что будет лучше, если они уменьшат риск возникновения нежелательных качеств, исправляя их в самом зародыше. Иначе говоря, путем редактирования генетического кода. В результате начались эксперименты. Для проявления генетических мутаций необходимо, чтобы сменилось несколько поколений. Из огромного числа людей, в соответствии с их опытом или поведением, отобрали

тех, кому дали возможность усовершенствовать будущие поколения: передать им свои коды, делающие людей чуть лучше.

Я смотрю на остальных. На лице Питера – гримаса недоверия. Калев хмурится, а Кара стоит с открытым ртом, будто намеревается разом проглотить все предоставленные ей ответы. Кристина скептически приподняла одну бровь, изучает свои ботинки.

По-моему, я не услышала ничего нового. Это еще один вариант философских рассуждений о том, как появились фракции. Разделение людей, манипулируя их генами, мало чем отличается от деления их на группы, исходя из склонностей. До некоторой степени я даже согласна с Дэвидом. Другой вопрос: при чем здесь мы?

– Но когда манипуляции начали давать результаты, выяснилось, что изменения ведут к катастрофическим последствиям. Наша попытка привела не к исправлению генов, а к их повреждению, – вещает Дэвид. – Если забрать чей-то страх или низкий интеллект, то можно убить в человеке способность к состраданию, например. Заберите чью-то агрессию – и вы получите у индивида мотивацию к лидерству. Заберите эгоизм – и вы потеряете чувство самосохранения.

Я анализирую каждое качество, о котором он говорил: страх, низкий интеллект, эгоизм... Ясно, он имеет в виду фракции. И Дэвид прав, когда утверждает, что каждая фракция теряет что-то, получая свою добродетель: лихачи смелые, но жестокие; эрудиты – умные, но самолюбленные; члены Товарищества – миролюбивые, но пассивные; правдолюбые – честные, но эгоистичные; альтруисты – самоотверженные, но упрямые.

– Человечество никогда не было идеальным, но трансформации сделали людей хуже, чем когда-либо прежде. И тогда началась гражданская Война за Чистоту. Сражения вели те, чьи гены были повреждены, против правительства и всех, чей код остался неизменным. Война принесла невиданные прежде разрушения на американскую землю. Погибла половина населения Штатов.

– Обзор включен, – говорит один из людей, сидящих за столом в диспетчерской.

На мониторе, висящем над головой Дэвида, появляется карта. Она целиком покрыта светящимися пятнами розового, красного и темно-малинового оттенков.

– Так выглядело наше государство до войны, – произносит Дэвид, – а так – после...

Огоньки меркнут, разноцветные участки – сжимаются, как высыхающие на солнце лужицы. Я понимаю, что красные огоньки – это люди: они исчезали и их огни гасли. Мой ум отказывается осознать подобное количество жертв.

– Когда война закончилась, народ потребовал окончательного решения проблемы. Тогда и создали Бюро Генетической Защиты. Вооружившись научными знаниями, бывшими на тот момент в распоряжении правительства, наши предшественники осуществили эксперимент, призванный помочь восстановить код человека в его первоизданном виде. Они призвали генетически поврежденных сдаться на милость Бюро.

На длительное время людей разместили в специальных зонах, снабдив сыворотками, чтобы помочь контролировать свое общество. И начали ждать, чтобы произошли мутации, вследствие которых должны были появиться люди с восстановленной генетикой. Или, как вы их называете... дивергенты.

Теперь я получила простой ответ на долго мучивший меня вопрос: оказывается, мои гены просто-напросто исцелились. Чистые они. Узнав правду, я должна была почувствовать облегчение. Но я лишь замечаю, как будто что-то выключилось, перестало зудеть в глубине моего мозга. Получается, что я «исцеленная».

Я начинаю задыхаться по мере того, как знание проникает в мой ум и сердце, слой за слоем, снимая покров тайны. Прикасаюсь к груди, чтобы унять сердцебиение и попытаться успокоиться.

– Ваш город является одним из экспериментальных центров генетического исцеления. На сегодняшний день он наиболее успешен по сравнению с другими. Я имею в виду, конечно, разделение на фракции, – Дэвид горделиво улыбается.

Значит, нам указывали, как поступать. Дэвид и все остальные смоделировали наш мир, без нашего ведома.

– Наши предшественники обнаружили, что генетической коррекции было недостаточно. Фракции стали попыткой включить в эксперимент систему воспитания. Новый общественный строй, в сочетании с генной модификацией, был определен как лучшее решение поведенческих проблем.

Дэвид смотрит на нас, и его улыбка исчезает. Я не знаю, чего он ожидал. Что мы ласково похлопаем его по плечу в ответ? После паузы он продолжает:

– Позже фракции были введены в качестве основного элемента в большинстве наших центров. В данный момент в трех из них они до сих пор существуют. Мы немало сделали, чтобы наблюдать за вами, защитить вас и учиться у вас.

Кара проводит руками по волосам, как будто поправляя выбившиеся пряди, и осведомляется:

– Значит, когда Эдит Прайор утверждала, что мы должны найти причину возникновения дивергентов и сбежать из города, это было...

– Наименование «дивергенты» мы даем тем, кто достиг приемлемого уровня генетического выздоровления, – объясняет Дэвид. – Мы хотели, чтобы руководители вашего города поняли данный расклад. Увы, лидер эрудитов начал охоту на них. Вопреки всему, что говорила Эдит, мы никогда не хотели сформировать из дивергентов армию. На самом деле мы не ждем от вас никакой помощи. Нам нужно, чтобы ваши здоровые гены были переданы будущим поколениям.

– То есть, если ты не дивергент, ты – больной? – бормочет Калев в ужасе.

Не думала, что когда-нибудь увижу Калеба на грани истерики, но сейчас он, похоже, расплчется. «Тише», – повторяю я себе снова и делаю глубокий медленный вдох.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.